

АЛЕКСАНДР КОСЕНКОВ

ЗОНА ОБЕТОВАННАЯ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Александр Федорович Косенков
Зона обетованная
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47713403

Зона обетованная.: роман / Александр Косенков: Вече; Москва; 2019

ISBN 978-5-4484-7983-0

Аннотация

Когда после смерти «вождя народов» стала распадаться и исчезать громадная империя ГУЛАГа, его лагеря стали в спешном порядке закрываться один за другим. Одни исчезали бесследно, от других остались на долгие годы по всей Сибири вышки, бараки, колючая проволока и даже ведущие в никуда дороги. Но один из этих лагерей сохранился и просуществовал до наших дней... Именно в такой лагерь, в таинственную загадочную зону, попадают герои повествования. Для одних это обернулись крахом многолетней погони за несметными сокровищами и возмездием за совершенные преступления, для других – встречей с, казалось бы, навсегда исчезнувшими людьми и удивительными открытиями.

Александр Федорович Косенков

Зона обетованная

© Косенков А.Ф., 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2019

В аэропорту я узнал, что груз отправлен еще вчерашним рейсом. Ждать оставалось чуть больше часа. Выкупив билет, я подкинул рюкзак к груде чьих-то чемоданов, вышел на грязное крыльцо аэровокзала, недовольно отвернулся от порыва пыльного ветра, а немного погодя с раздражением в очередной раз убедился, что рассказы старожилов о непредсказуемых капризах здешней погоды не досужая болтовня, а уважительная констатация фактов, один из которых наблюдался сейчас в окрестных пространствах.

Это была самая настоящая метель. Правда, сентябрь только начинался, и даже в здешних местах метелям было ещё рановато фигурировать в метеосводках. Буквально за несколько минут снег наглухо занавесил скучные аэропортовские окрестности. А вскоре объявили о переносе всех намечавшихся на ближайшие часы рейсов «в связи с местными метеоусловиями». Так неожиданно у меня в запасе ока-

залось неопределенное количество времени. Поневоле пришлось вспомнить о настоятельной просьбе Арсения обязательно заглянуть к нему перед вылетом. Просьбу эту с многозначительным видом передавал мне каждый, с кем я успел пообщаться, перед отъездом, забежав на минутку в институт.

Несколько минут я протоптался в нерешительности, потом прихватил рюкзак и кинулся к подъехавшему такси. В ответ на вопросительно поднятые брови таксиста назвал адрес Арсения.

В глубине души я надеялся, что его не будет дома. Но он открыл дверь, и я заметил, что он обрадовался моему появлению. Честно говоря, на подобный вариант я не рассчитывал. Дело в том, что мы с Арсением не разговаривали уже почти месяц. Вернее, почти не разговаривали. Для работы это было, прямо скажем, не очень продуктивно, но эти, безусловно, отрицательные моменты, сглаживались тем, что свели на нет повседневное ворчливое и внимательное вмешательство Арсения во все, что бы я ни затевал в связи с предстоящим отъездом. В институте считали его «трудным человеком». С этим надо было либо мириться, либо брать себе другую тему и уходить из его лаборатории. А вот этого мне совсем не хотелось. Я давно уже приглядел себе тему о здешних птицах. Постоянно живущих именно здесь, на границе тундры и лесотундры, можно считать, на грани выживания. Но в то же время именно эти места для них, пожалуй,

самые безопасные на Земле. Потому что там нет или почти нет людей. С незапамятных времен и до нынешних. Такие уж эти места... В общем – материал уникальный. Поэтому, когда Арсений отказался поехать на стационар, в первое мое здешнее «поле», то я сначала растерялся, а потом перестал с ним разговаривать.

Первоначальная моя гипотеза основывалась на том, что Арсений понял – я для него буду обузой в далекой Омолонской тайге, откуда до ближайшего человеческого жилья двести с лишком километров. Все, чем мы располагали в тех местах, – старая палатка, наверняка разорванная за прошедшие годы ветрами или гуленой-медведем, да сруб небольшой избушки. Вот и весь наш стационар. Будущий, конечно. Надо было добраться туда почти с тонной груза, достроить избушку, ходить в маршруты по окрестной тайге, фотографировать, снимать показания приборов, вести наблюдения. Кроме того, уметь быстро приготовить любую еду, зачастую в самых неподходящих условиях, уметь почти профессионально держать в руках топор и ружье, быть спокойным ненавязчивым собеседником и помощником на все руки. Где мне, типичному городскому жителю, набраться таких достоинств, без которых вряд ли удастся успешно просуществовать почти три месяца в экстремальных условиях подобного поля! Он, конечно, вправе был так думать, поскольку мог не знать или не принимать всерьез мою практику в Саянах, на Нижней Тунгуске и на Таймыре. Я же, ошалев от неожиданности

его «измены» им же самим затеянной экспедиции, не стал его ни в чем разубеждать, не стал рассказывать, что умею не так уж и мало даже по самым высоким местным меркам, и, изнывая от гордости, продолжал как ни в чем не бывало собираться в предстоящую дорогу.

В это время с помощью одного из «доброжелателей» Арсения Черепкова появилась еще одна гипотеза.

– Старик, не ломай голову, – сказал он, когда никого не было рядом. – Все просто, как два пальца. Ему нужно добрать материал, и этот материал привезешь ему ты. А он за эти два месяца окончательно протолкнет свою монографию. Зачем корячиться, когда есть негр. Обычная история в научных кругах, привыкай.

К чести своей могу сказать, что не поверил ему и разговора не поддержал. Не тот человек был Арсений. Кроме того, уже тогда я почувствовал в его отказе нечто вовсе не подходящее под эти гипотезы. Что-то тут было не то.

И вот мы сидим с ним за столом, захламленным разобранными фотоаппаратами и кинокамерами, проводами, аккумуляторами, паяльниками, датчиками и невообразимым количеством запчастей, деталей и прочего, на первый взгляд, никуда не годного хлама. Снег за окном и не думал редеть. В комнате было почти темно. Арсений докуривал сигарету. Вся квартира была насквозь пропитана застоявшимся запахом пыли и табачного дыма, безошибочно выдающими мужское одиночество и неустроенность. В доме, где есть женщи-

на, никогда так не пахнет.

– Понимаю, ты обижен на меня... – сказал наконец Арсений.

– Давайте не будем, – торопливо перебил я. – Какие теперь обиды? Честное слово, не обижен. Сначала только...

Я запутался и стал сосредоточенно рассматривать прибор, над которым трудился мой шеф.

– Я знаю, ты хороший полевик, – выдал он наконец и замолчал, словно вслушивался в свои слова. – Но не думал, что ты решишься... один.

«Ага, разузнал все-таки. Лучше поздно, чем никогда», – подумал я, а вслух зачастил:

– Начинать так начинать. Одному даже лучше. Не будет давить ваш авторитет, – и попытался улыбнуться, чтобы подчеркнуть несерьезность последних слов. Но Арсений смотрел в окно и, возможно, принял мои слова за чистую монету.

– Я тебе тут все написал и расписал, – продолжил он после явно затянувшейся паузы. – Хотел поехать к рейсу, смотрю – снег пошел. Подумал – может, сам приедешь? Если бы не приехал, послал бы с кем-нибудь. Или сам смотался.

Он некоторое время вслушивался, повернув ко мне голову, потом неожиданно улыбнулся.

– Впрочем, был уверен – приедешь. Вычислил.

Из солидной стопки потрепанных блокнотов «Полевого дневника» он взял лежавший сверху и с многозначительным видом положил передо мной на стол.

– Как вы могли вычислить? Я сам до последней минуты не знал...

– Ты, может, не знал, а я подумал и решил, что приедешь, – словно не заметив моей последней попытки сопротивления, спокойно сказал он и, придвинув блокнот, сел рядом. Поневоле я взял его, но так и не раскрыл. – Первая запись там... – сказал Арсений и замолчал. Некоторое время мы оба вслушивались в гнетущую тишину квартиры. – Гласит: «Найти сейчас рабочего, когда вот-вот начнется охотничий сезон, мертвое дело». Послушав, как это прозвучало, он поправился: – Почти мертвое.

– Может, все-таки без рабочего? – безнадежно спросил я, поскольку вылетать на стационар без рабочего мне было категорически запрещено директором. Запрещено, как я теперь догадываюсь, не без активного вмешательства Арсения. Судя по тому, как раздраженно прореагировал он на мой вопрос, в своих предположениях я не ошибся.

– Ты можешь, конечно, просидеть эти месяцы в палатке. Но тогда тебе двадцать четыре часа из двадцати четырех придется топить печку. Знаешь, какие там будут морозы через месяц? А чтобы ее топить, надо будет еще часов по восемнадцать-двадцать заготавливать дрова. На еду, на сон, на маршруты, на научную работу у тебя останется... – он показал мне кукиш.

Он, конечно, преувеличивал. Я понимал, что это для пользы дела, но...

– Это только одна сторона медали, – продолжал Арсений. – Другая, не менее важная: к весне мы должны иметь полноценную базу. Кузьмин согласился на поле только при этом условии. Тебе одному избу не достроить. Это исключено даже при твоих физических данных.

Я обиженно молчал и мысленно подбирал возражения, что «если все так сложно и неразрешимо, то не лучше ли ему просто-напросто полететь со мной». Но Арсений, кажется, догадался о моих размышлениях. Пробормотал:

– Только не думай ничего такого. Я еще никому не говорил...

«О чем не говорил?» Я лихорадочно соображал – что он скажет дальше? От неприятной догадки, от невыносимо густого запаха дыма у меня вдруг заболела голова. Противное ощущение собственного бессилия мешало сказать что-нибудь, беспечно улыбнуться хотя бы. Такого со мной не случилось давно. Настолько давно, что я не сразу вспомнил, когда же это было. Кажется, в Саянах. Когда я очутился в самой середине заскользившей к обрыву осыпи. Бежать, кричать, даже шевельнуться – смертельно опасно. Оставалось только одно – ждать, когда водопад камней вместе со мной обрушится вниз...

Я вдруг понял, что последние слухи об Арсенин, шепотом передававшиеся в институте, кажется, имеют место быть. И эта очередная неожиданность окончательно выбила меня из состояния осторожно-снисходительной вежливости.

– Придется ложиться на операцию, – нехотя выдавил наконец Арсений.

Я устало подумал, что слухам в научной среде иногда стоит доверять, мысленно уничтожая себя за все свои прежние гипотезы и трусливое желание избежать этой последней встречи. Не глядя на Арсения, пробормотал:

– Может не так все страшно? Обойдется...

– Конечно обойдется! – с неожиданным раздражением оборвал меня Арсений. Очевидно, он что-то рассмотрел в моих глазах, потому что торопливо отвернулся к окну. Мне даже показалось, что он улыбается. Хотя вряд ли. С чего бы ему улыбаться? К тому же, когда он снова заговорил, голос его был ровным и бесстрастным.

– У меня к тебе просьба. И в службу, и в дружбу... Сделаешь?

– Арсений Павлович, о чем речь, – незнакомым самому себе голосом торопливо выдавливал я слова. – Все, что надо... Какие могут быть сомнения? То есть, конечно, сделаю.

– Захвати, пожалуйста, с собой вот этот прибор...

Арсений наклонился и достал из-под стола продолговатый черный ящик. Он, кажется, догадывался и о моем волнении, и моей растерянности, и моей готовности сделать для него все, что угодно. Он улыбнулся. А я подумал: «Интересно, смог бы я улыбаться на его месте?»

– Что к чему, ты тут легко разберешься, – сказал он. – Где установить, я там написал, нарисовал даже. Главное, укрепи

понадежнее.

– Будет сделано, – заверил я.

– У каждого свои слабости, – решил он все-таки объяснить, в чем дело. – До сих пор ни одного толкового снимка росوماхи в моих архивах. Тут у меня небольшое приспособление – разберешься на досуге – можно будет ночной снимок сообразить. Росوماха на ночной охотничьей тропе! Представляешь? Если получится, конечно. Договорились?

– Да я сам на этой тропе засяду, если что, – бодро пообещал я, стараясь всем своим видом убедить его в том, что сделаю все возможное, лишь бы он был доволен.

– Самому не надо, – снова улыбнулся Арсений. – Самому тебе делов выше головы, да еще с привеском. Кстати, если кедровки поблизости объявятся, понаблюдай. Я все еще никак со схемой их дневных перелетов не разберусь.

– Понаблюдаю, – как можно увереннее сказал я и встал. Снегу за окном вроде бы поубавилось, в комнате заметно посветлело.

– Подкину, – объявил Арсений и пошел в коридор одеваться.

Я отнекивался, отказывался, упрашивал, но Арсений, не обращая на мои слова ни малейшего внимания, подождал, когда я оденусь, и, забрав у меня прибор, легко сбежал по лестнице. Я заторопился следом. Пришлось, правда, вернуться за забытым блокнотом. В спешке я задел стол, стопка полевых дневников рухнула, разбираться, какой из них был

предназначен для меня, не было ни времени, ни желания. Схватив первый попавшийся, я поспешил к выходу.

Минут через десять мы уже ехали к аэропорту в его машине. Дворники торопливо сгребали со стекла мокрый снег, скользкая хлюпающая дорога петляла между голыми сопками и, огибая не видную за пеленой несущегося снега бухту, долго поднималась к перевалу.

– Не улететь сегодня, – констатировал я, упираясь взглядом в задний борт грузовика, который Арсений пытался обойти, не дождавшись окончания подъема.

– Через час будет солнышко, – пообещал Арсений и, обогнав грузовик, увеличил скорость. На подобный маневр я бы не рискнул. Арсений, поймав в зеркале мой взгляд, успокаивающе улыбнулся.

В последнее время ни о ком я не размышлял столько, сколько об Арсении. Меня лично общение с ним всегда приводит в состояние какой-то повышенной готовности. Наверное, это происходило от его абсолютного превосходства надо мной буквально во всем. Можно приплюсовать сюда еще и то, что до сих пор непонятны для меня ни ближайшая, ни отдаленная цель его жизни. Непонимание это, возможно, поселилось во мне от ощущения полной несовместимости того, чего мог добиться этот человек, и того, чем он довольствовался. В общем, никак не подходил Арсений Павлович ни под одну из категорий ранее встречавшихся на моем жизненном пути человек. На собственном примере я чувство-

вал, как, должно быть, непросто с ним и всем остальным, кто вольно или невольно оказывался рядом. Но свое отношение к нему я тщательно старался отделить от отношения к нему других. В институте одни были к нему равнодушны, другие вежливо почтительны. Некоторые не любили его, а кое-кто ненавидел за проявляющееся на каждом шагу превосходство и не всегда маскируемую насмешливость. Те, кто не зависел от него или редко с ним сталкивался, заявляли о неизменном к нему уважении. Многие ценили в нем «золотые руки», «прекрасную голову», «отличного полевика», «неплохого исследователя» и даже «серьезного ученого». Но совершенно уверен, что почти никто, положив руку на сердце, не признался бы в симпатии к этому человеку. Если быть объективным, испытывать к нему дружеские чувства, действительно, было непросто. Может быть, даже невозможно. Я был исключением. Мне нравилось в нем все, даже его недостатки. Слишком во многом я хотел походить на него, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как насмешливое ощущение собственного превосходства, привычка вслушиваться в свои слова или раздраженное неприятие возражений, с которыми иногда рисковали к нему обращаться. «Совершенно не похож на больного», – думал я, украдкой рассматривая в зеркале его сосредоточенное лицо. «Что за болезнь? Что за операция? Обидится, если спросить? Или не ответит? Скорее всего, не ответит, если сам не сказал. Может, все-таки спросить?»

– А с рабочим попробуй так... – неожиданно сказал он, поймав в зеркале мой взгляд. – Помнишь, я тебе говорил о тамошнем егере? Птицын Сергей... Если он в тайгу еще не ушел, поговори с ним. Скажи, что я прошу. Если не согласится, тогда иди к Омельченко. Лесник тамошний. Личность примечательная во всех отношениях. Поговори с ним. Объясни, почему я не смог приехать. К нему там прислушиваются. Если он порекомендует или скажет кому, будет у тебя рабочий. Постарайся понравиться.

Впереди показался аэропорт. Дворники еще монотонно скребли по мокрому стеклу, но снега уже не было. А когда я вышел из машины, то на белых вершинах дальних сопкок, проглянувших из-за серой мути стремительно откатывающейся непогоды, разглядел первые ослепительные пятна солнечного света. Арсений, как всегда, был прав. Знанием движет практика. А уж он-то много лет сталкивается со здешней погодой. Интересно, нравится она ему? Или привык? Может, спросить?

– До свидания, Арсений Павлович... Спасибо вам за все...

Он улыбнулся, словно через силу, и резкое лицо его потеплело.

– Ничего, Леша. Все будет хорошо. Ты, главное, рабочего найди. Без рабочего в тайгу ни шагу. За нарушение – самые страшные санкции. В общем, сам понимаешь...

Он крепко пожал мне руку, машина круто развернулась,

и я остался один. Через час объявили мой рейс.

* * *

Ненастье катилось за мной по пятам, и когда я прилетел в поселок, там почти сразу повалил снег. Крошечное здание аэровокзала было забито под завязку. Кого тут только не было. Оленеводы, рыбаки, старатели, охотники, геологи, снабженцы и прочий, с первого взгляда трудно определяемый в своей профессиональной принадлежности командированный и некомандированный люд. Почти все с грузом, все в нетерпении и раздражении от всяческих задержек, а главное, от полного незнания того, когда же они смогут наконец покинуть эти осточертевшие от ожидания и непривычного безделья места. Непроглядный снегопад одних успокоил на время, других, наоборот, довел до белого каления, и я, окунувшись в эту атмосферу, почувствовал себя лишним. Мне-то пока спешить было некуда. На поиски рабочего, по предсказаниям Арсения, могло уйти два-три дня. А если не повезет, то и вся неделя. Но до недели доводить не следовало. Неделя – это уже излишества на грани срыва всех моих обширных планов. Впрочем, я был совершенно уверен, что как только прекратится снег, я благополучно отбуду в нужном мне направлении. Либо с рабочим, либо без оного. Вариант своего единоличного отбытия я, несмотря на самые строгие запреты, все время держал в запасе, ни капли не сомневаясь, что

справлюсь со всеми своими делами в полном одиночестве. Ну а потом... Победителей не судят. Удостоверятся, что все обстоит как нельзя лучше, что материалы собраны, наблюдения проведены, избушка достроена, успокоятся и простят. Я даже был согласен на выговор, на строгий выговор, если на то пошло, только бы доказать свои возможности к самостоятельной работе. За минувший месяц я основательно прокрутил в воображении ситуацию победоносного возвращения из многотрудной экспедиции. Оно бы безоговорочно доказало мою стопроцентную пригодность как полевика. Свои научные способности я собирался доказать чуть позже. Пока мне нужен был материал. Обширный и разнообразный. Я мог получить его только в тайге, в тундре, на озерах и реках. И чтобы быстрее его заполучить, чтобы собрать его не за десять лет, а за два-три года, я должен получить возможность самостоятельной работы в самых сложных условиях. Надо было добиться, чтобы меня отпускали в поле одного, а не в составе многолюдных, шумных, медлительных и малоэффективных в научном отношении экспедиций, которые почему-то до сих пор еще не доказали свою полную несостоятельность в нашей профессии. Добиться этого я мог, нормально закончив предстоящую экспедицию. И если уж быть совершенно честным, отказ Арсения был мне даже на руку. Мне необходим был именно одиночный вариант. Я на него не рассчитывал в таком скором времени. И если уж он мне подвернулся, упускать его было бы неппростительной глупостью. Нет,

окончательно от рабочего я не отказывался. Постараюсь сделать все, чтобы найти его. С рабочим – это, по сути, тот же одиночный вариант. Но не буду же я месяц его разыскивать. Отменять, что ли, экспедицию из-за того, что рядом со мной не будет человека, который должен топить печку, готовить еду и помочь сделать крышу над избушкой? Сам прекрасно со всем справлюсь.

Прогулявшись до вертолетной площадки, я убедился, что груз мой аккуратно сложен и прикрыт от снега. Избавившись от беспокойства за него, я неторопливо отправился в диспетчерскую выяснять, что и когда мне смогут выделить для заброски.

– Из института? – переспросил хмурый диспетчер, внимательно меня разглядывая. – Будет погода, закинем, об чем речь. Хоть завтра. Только погоды не будет. Ни завтра, ни послезавтра, так что ты это поимей в виду. Синоптики там, знаешь, что наобещали? Темная ночь! Рабочего-то нашел? – неожиданно огорошил он меня вопросом.

– Рабочего? – сделал я удивленное лицо.

– Указание от твоего начальства имеется, – и он ткнул пальцем в пространную телеграмму, лежавшую под стеклом на его столе. – Не давать борт, если будешь один. Так что – давай. Найдешь, оформишь, установится погода – закинем как миленького. Усек? Впервые в наших краях?

Это, конечно, Арсений сообразил. Кузьмину, в сущности, начхать – будет рабочий или нет. Нет – даже лучше, эконо-

мия средств. Это Арсений собирается сгладить свое отсутствие телеграфными заботами о моей безопасности. Теперь хоть наизнанку вывернись, а рабочего надо находить.

Пообещав диспетчеру вернуться в самое ближайшее время с завербованной рабочей единицей, я вышел из диспетчерской, спустился по лестнице в битком набитый зал ожидания и остановился в раздумье. Надо было поесть, устроиться на ночлег, найти Птицына, сходить к Омельченко. Я стоял и решал – с чего же начать?

В полутьме под лестницей небольшая компания бичей меланхолично допивала последнюю бутылку краснухи. Я прошел было мимо, но неожиданная мысль (очень удачная, как мне тогда показалось) тормознула меня. Еще раз оглядел бичей, быстренько сварганил удобоваримую модель будущего своего поведения и кинулся в ближайший магазин. В магазине торопливо заплатил за две бутылки «Агдама», рассовал их по карманам и побежал к аэропорту.

Бичи сидели на месте. Один уже спал, а двое о чем-то негромко бубнили, кажется, совсем не слушая друг друга.

– Мужики, примите в кампанию? – спросил я, присаживаясь рядом на корточки.

Они с сонным безразличием оглядели меня с ног до головы, и, наконец, тот, что поближе ко мне и поздоровее, прохрипел:

– Катись.

Прием был не из лучших, но надо было настаивать на сво-

ем. Я выставил на пол купленные бутылки и деловым тоном объявил:

– Для разговору... Есть предложение. Ваше дело – принять, не принять. В обиде не буду.

Ставка на интерес помогла. Хриплый, не открывая глаз, потянулся к бутылке, но тот, который вроде бы спал, не открывая глаз оттолкнул его руку.

– Выкладывай, – приказал он мне.

Видимо, и в их узком кругу существовала определенная иерархия, поэтому я решил в последующем адресоваться именно к тому, кто, кажется, был за старшего. Свое предложение я изложил с телеграфной краткостью.

– Еду в научную экспедицию. Один. Нужен рабочий – топить печку, готовить еду, помочь достроить базу. Ставка стандартная, плюс все коэффициенты и полевые. Срок – до Нового года. Вернее, почти до Нового года.

Бичи, переглянувшись, молчали. Старшой, видимо рассудив, что временное общение со мной не грозит пока никакими неприятностями, а быстрое согласие или отказ могут свести перспективы дарового выпивона к нулю, зубами содрал пробку с ближайшей бутылки, для приличия вытер рукавом неизвестно откуда извлеченный стакан, наполнил его и протянул мне. Отоварились и остальные.

– За успех научной экспедиции! – резюмировал Хриплый.

Пришлось выпить. Ни согласие, ни отказ еще не прозвучали. Надежда расплывчатым силуэтом маячила за неразбор-

чивыми физиономиями моих собутыльников.

– Ну и как? – спросил я, внутренне передернувшись от влитого в себя пойла. – Согласные будут?

– Один что ль нужен? – спросил Старшой, и по его тону я понял, что он просто тянет время. Но поскольку еще ничего не было сказано окончательно, я терпеливо и вежливо кивнул в знак подтверждения.

– Где же твои апартаменты будут располагаться? – вмешался еще один из его дружков, интенсивно рыжей, как мне показалось в подлесничной полутьме, масти. – Место деятельности?

– Верховья, – объяснил я. – Двести километров в верховья.

Старшой презрительно хмыкнул:

– Верховья... Верховья – это треп. Конкретно говори. Тут тебе не студенты.

– Да он сам ни хрена не знает, – хмыкнул Рыжий. – Не видишь, что ли?

Я вспомнил настоящий совет Арсения не называть место нашего стационара. Во всяком случае, временно не называть, пока договор не заключен. Но сейчас меня почему-то задело за живое. Надо было доказать этой братии свою компетентность, иначе они меня бог знает за кого примут. У меня была цель, и я пер к ней напролом.

– А вы что, знаете те места? – нахально спросил я, адресуясь к Старшому.

– Мы-то знаем, – сказал тот, разливая оставшееся вино. Тон его во время этой процедуры несколько смягчился.

– Ты лучше спроси, чего мы тут не знаем, – с какою-то вызывающей ласковостью, должной обозначать не то юмор, не то презрение к не оценившему их высоких достоинств нахальному прищельцу, хрипло хохотнул самый здоровый из моих собутыльников. – Охотничать, плотничать, лес валить, траву косить, по рыбке вдарить, золотишко пошарить... Молодой человек считает, судя по всему, что мы элементарные бичи, – обратился он к товарищам.

– Не разбирается в людях, – констатировал Рыжий.

– Поехали, – приказал Старшой. – А после объяснишь свое место, если знаешь.

– Протока Глухая, – сказал я. – Озеро Абада. Если слышали, конечно.

Рука Хриплого с кружкой замерла в воздухе. Рыжий неопределенно хмыкнул. Старшой с интересом и даже, как мне показалось, с испугом посмотрел сначала на меня, потом зачем-то за мою спину.

– Ну, ты даешь, – не сразу прореагировал он. После чего все-таки расправился со своей порцией. Остальные торопливо последовали его примеру. Я, воспользовавшись непонятым их замешательством, решил на этот раз воздержаться.

– Чего делать-то будешь на Глухой?

Реакция моих собутыльников насторожила меня, но отступать было уже поздно.

– Я орнитолог, – пустился я в разъяснения, надеясь, что незнакомое слово придаст мне вес в их глазах. – Буду вести научные наблюдения, ходить в маршруты, фотографировать, записывать...

– На Глухой фотографировать? – испуганно спросил Рыжий.

– На Глухой тоже, – подтвердил я.

– Это самое... Орнитолог... – спросил Хриплый. – По золоту или по другому чему?

– Птички, – объяснил ему Старшой.

– Что «птички»? – не понял Хриплый.

– Птичками он интересуется. Орнитолог. Если не врет, конечно.

– Зачем мне врать? – удивился я эрудиции окончательно проснувшегося бича и неожиданному его сомнению.

– Кто тебя знает? – сказал тот. – На опера ты, конечно, не тянешь. Опять-таки, какие сейчас птички на Глухой? Какие были, все на юг подались.

Все трое смотрели теперь на меня с явным недоверием. Я ничего не понимал.

– Меня лично интересуют те, которые остаются. – Я безуспешно пытался нащупать ускользающую почву. – Глухари, рябчики, кедровки...

– Сильно интересуют? – спросил Рыжий.

– В пределах адаптации к здешним условиям, – чувствуя, что терять мне уже нечего, нахально заявил я.

– Здешние условия для кого как, – согласился Старшой. – Одни живут, а другие никак не живут. Если не улетят, помереть могут. – Он внимательно посмотрел на меня и добавил: – Птички, естественно.

Хриплый хмыкнул, Рыжий отодвинулся в тень.

Я решил использовать запасной вариант.

– Тогда, мужики, есть другое предложение. Одного из вас – кто согласится – я оформляю...

Хриплый снова хмыкнул.

– Подождите... Я оформляю, и он летит со мной. Долетаем до места, разгружаемся. Во время разгрузки у него заболит живот: застарелый аппендицит, или схватит сердце, вплоть до инфаркта. Этим же рейсом он отправляется назад. За беспокойство оплачиваю по договоренности.

По этому варианту, на котором покоились мои надежды, я получал вертолет и оставался один. Что, в конце концов, и требовалось доказать.

– Видать, сильно тебе на Глухую надо? – спросил Хриплый.

– Сильно, – подтвердил я.

– Агдамчик из командировочных брал? – поинтересовался Старшой.

– Зачем из командировочных? Из своих.

– Много получаешь?

– Мне хватает.

Я еще пытался сохранить лицо и поэтому отвечал почти

спокойно.

– Все-таки интересно, сколько сейчас получает молодой научный работник? – не отставал Старшой, и в его внезапно протрезвевших глазах я разглядел откровенную издевку.

«Посмотрим, что будет дальше», – решил я про себя и постарался изобразить самую широкую улыбку.

– Сто двадцать. Плюс коэффициент, конечно.

– Не густо, – серьезно посочувствовал Старшой и, достав из недр своей замызганной куртки толстую пачку купюр, отделил одну и протянул мне.

– Сдачи нет, – отказался я.

– Возьми себе. За то, что в магазин сбегал, – сказал он, припечатывая купюру к моему колену.

Хриплый заржал. Рыжий, высунувшись из темноты, тоже ощерил зубы.

«Пререкания грозят взаимными неприятностями», – оценил я сложившуюся обстановку и, неторопливо сложив купюру, сунул ее в карман, поднялся.

– Извиняюсь за беспокойство. Думал, понравимся друг другу. Не получилось.

– Не получилось, – подтвердил Старшой, внимательно глядя на меня.

Буквально несколько минут назад, рассматривая его, я был совершенно уверен, что он пьян и с трудом разбирается в окружающей обстановке. Сейчас передо мной сидел трезвый, настороженный и явно неглупый человек. Судя по все-

му, он мне не поверил. Или принял за кого-то другого. Почему? Выяснение этого, ввиду сложившихся обстоятельств, я решил отложить до лучших времен. Оставалось только попрощаться и уйти. Так я и сделал. Но даже в другом конце плотно набитого людьми здания я чувствовал из-под лестницы внимательный взгляд Хриплого. И еще краем глаза успел заметить подавшегося куда-то Рыжего.

У одной из лавок я отыскал минимум свободного пространства, перетащил туда рюкзак и, усевшись на него, крепко задумался. Итак, в самое ближайшее время мне надо было устроиться на ночлег, поесть и разыскать Птицына. Я решил сначала сходить в столовую, потом найти Птицына и с его помощью побеспокоиться о ночлеге. Но все мои планы тут же рухнули. Кто-то положил руку мне на плечо. Я оглянулся. Надо мной возвышался здоровенный красавец-мужик лет тридцати пяти с серыми смеющимися глазами.

– Здорово! – громыхнул он на все задыхающееся от спертости пространство зала. – Алексей ты будешь?

Я смотрел на него снизу вверх и от растерянности молчал.

– С института? – продолжал вопросительно грохотать он, обратив на нас внимание почти всех ожидающих. Глаза его лучились насмешливо-покровительственной и доброжелательной улыбкой.

– Опоздал, понимаешь. Пока машину выбил, звоню – прилетел, говорят, рейс. Я с ходу сюда. Груз твой где?

Совсем рядом мелькнуло удивленное лицо Рыжего. Он

явно заинтересовался нашим разговором.

– Здравствуйте, – сказал я наконец и поднялся, все еще теряясь в догадках насчет того, кто же это все-таки такой. – Груз на площадке... А в чем, собственно, дело?

– В чем оно может быть? Забираем твой груз и ко мне. А там видно будет. Или не устраивает чего?

– Почему не устраивает... – я все еще боролся с растерянностью и не знал, что мне говорить и делать.

Незнакомец, перестав улыбаться, внимательно посмотрел на меня, и мне на мгновение показалась в его глазах едва уловимая напряженная настороженность. Но, видимо, все уразумев, он снова широко улыбнулся, и снова залучились, засверкали добрейшие серые глаза.

– А мне Арсений Павлович названивает. Помоги, говорит, моему парню. Сам-то он что? Болен? – И снова, перестав улыбаться, внимательно посмотрел на меня.

– Вы – Птицын! – с облегчением догадался я.

– Кто? – удивленно спросил незнакомец, приподняв в шутовском изумлении широкие брови. И сразу раскатисто захохотал. – Все бывало, – обратился он к следящим за нашим разговором соседям. – Но чтобы Омельченко за Серю Птицына приняли – кому расскажи, со смеху помрет.

Многие вокруг, очевидно, хорошо знали и Омельченко и Птицына, поэтому с готовностью засмеялись. И снова рядом мелькнуло хмурое лицо Рыжего.

– Извините, – сказал я. – О вас я тоже наслышан. Арсений

Павлович о вас много говорил.

– Ну и как он говорил? Ничего? – спросил Омельченко и снова поглядел на стоящих вокруг людей, словно приглашая их принять участие в нашем разговоре.

– Говорил, если вы захотите помочь, то можно считать, дело в шляпе.

– Так и сказал? – почему-то чуть ли не шепотом спросил Омельченко.

– Что сказал? – не понял я.

– Про шляпу.

– Про шляпу – это я сам.

– Ясненько. А дело-то какое? – еле слышно спросил Омельченко.

– Он вам разве не говорил? – удивился я.

– Мне? – тоже удивился Омельченко. – Когда?

– Он же с вами по телефону говорил.

– А... а... – снова захохотал Омельченко. – Так это он просил вообще помочь. А конкретно, мол, ты сам скажешь. Если захочешь.

– Почему не захочу? Еще как захочу.

– Вот и ладушки, – обрадовался Омельченко. И тут же спросил: – Ел?

– Собирался.

– Ночевать где-нибудь устроился?

– Тоже собирался.

– А груз, значит, на площадке?

Я согласно кивнул.

– А говоришь, помогать не надо, – засмеялся Омельченко. – Двинули?

* * *

Через полчаса мы ехали к поселку в грузовике, загруженным моей экипировкой. Омельченко тесно придавил меня к дверке кабины и неожиданно надолго замолчал. Перед этим он говорил не переставая, смеялся, шутил. Но когда мы поехали, прочно замолчал, и я, используя это неожиданное молчание, попытался разобраться в навалившихся на меня за последний час впечатлениях.

С бичами, например, совершенно неясно. Чего они испугались? Вздернулись как ошпаренные, даже протрезвели. Особенно, когда я упомянул о Глухой. Может, действительно, прав Арсений – не надо было говорить о месте стационара? Но почему? Непонятно. Ладно, оставим выяснение этого вопроса на будущее и двинем дальше. Омельченко! Интересный мужик. Жизнерадостный, разговорчивый. Наговорил-то он много всего, а в голове почти ничего не осталось. Все о каких-то незнакомых мне людях, о каких-то событиях, может, и значительных с его точки зрения, но мне абсолютно ничего не говорящих. Сам я, по-моему, выложил ему гораздо больше. И про свои затруднения, и про работу, и про Арсения. Трудно быть не откровенным с таким жизнерадост-

ным и доброжелательным человеком. Но, честно говоря, от его метаморфоз у меня голова шла кругом. То хохот, шум, слова льются безостановочно. То настороженная внимательность, задумчивое молчание. Вот как сейчас. Нервишки пошаливают? Странновато для такой мощной фигуры и для столь отдаленных, наверняка спокойных мест. Хотя кто его знает, может, характер такой?

Неожиданно из пелены густеющего снега, с трудом пробиваемого светом фар, возникли два человека с автоматами. Один из них поднял руку. Машина остановилась.

– Что везем? – спросил низенький краснолицый сержант приоткрывшего дверку шофера. – Документы.

– Своих не узнаешь? – очнулся Омельченко. – Ты меня сегодня уже проверял, сержант.

– Что за груз? – строго спросил тот, не меняя выражения своего курносого, мокрого от снега лица.

– Ученого вот встречали. Из города, из института. Вещички экспедиционные. Да ты не бойсь, в порту проверяли.

– Чернов, проверить груз, – приказал сержант своему напарнику.

– С чего это у вас такие строгости? – спросил я.

– Взрывчатка не так давно со склада на прииске пропала. Несколько ящичков увели деятели. Опять-таки, если подумать, кому она тут нужна?

– Может, рыбу глушить? – высказал я предположение.

– А чего ее глушить? – удивился Омельченко. – На прото-

ку отъехал – руками бери. Понагнали милицию, солдат. Мое мнение – по документам что-то не сошлось. Кому она нужна, скажи на милость?

В кузове, судя по всему, крепко перешуровывали мою экипировку. Не побили бы приборы.

– Не скажите, Петр Семенович, – неожиданно подал голос до этого ни слова не сказавший шофер. – Взрывчатка, если где на шурфах старателю, да еще в зимнее время, так она на вес золота. Говорят, чуть ли не машину увезли.

– Так уж и машину! Наговорят теперь. Скоро пять машин окажется. Бесхозяйственность наша – и все дела. Поселок, как на ладони, – обратился он ко мне. – Все друг друга, можно считать, достоверно изучили. На кого будешь думать? Как скроешь? Вот то-то и оно. В основном приезжих шерстят. Старателям, которые выбирают или прибывают, тем вообще ступить не дают.

– Много их у вас? – поинтересовался я.

– Имеются. Не то чтобы очень, но есть. Сам подумай – как пришлому человеку на склад забраться, да вывезти, да спрятать? Все на виду. Это тебе здесь всё незнакомое пока. А я, к примеру, про каждого – что и как... Просто быть не может, чтобы стащили. Выдали проходчикам на перевыполнение, а списать забыли. Это у нас сплошь и рядом.

– Езжай! – махнул рукой неожиданно появившийся перед капотом сержант.

– Полмесяца, считай, никакого покоя, – проворчал шо-

фер. – Туда едешь – проверяют, оттуда – шарят. Чего шарят? Не видишь, машина чья...

Мы поехали дальше. Омельченко снова замолчал. Я уже начал привыкать к резким переменам его настроения. Снова стал думать про бичей.

Просто не вовремя я им подвернулся. Обстановка для них не очень веселая. Нелетная погода, минимум комфорта при больших деньгах, а тут еще научный сотрудник со своими нелепыми, на их взгляд, предложениями. В общем – наплевать и забыть. Бичи как бичи. Хотя нет, явно не те птички. Слишком уж самостоятельные...

– На операцию он в городе ложится или как? – неожиданно спросил Омельченко.

«Выходит, Арсений ничего ему толком не рассказал?» – подумал я, а вслух сказал:

– В институте слухи, что собирается в Москву. Там у него профессор знакомый. Судя по всему, так оно и есть – слухам в нашей среде следует доверять.

– Да? – оживился Омельченко и даже сделал попытку заглянуть мне в лицо. – Это как, если по-простому, а не по-научному?

– Давно уже разговорчики проскальзывали на эту тему, а я их мимо ушей. Даже в голову не приходило, что Арсений Павлович может заболеть. Теперь сам убедился.

– Как, если не секрет?

– Еду вот с вами... Рабочего ищу. А мог бы уже с ним, в

тайге...

- На Глухую, значит?
- На Глухую.
- Далеко.
- А ближе нам смысла нет.

* * *

Машина остановилась у большого дома, окруженного солидными деревянными пристройками. Жилье было сработано несколько тяжеловесно, но зато добротно.

– Приехали? – поинтересовался я, покосившись на Омельченко.

А тот словно позабыл и о моем существовании, и о том, что машина уткнулась в громадные ворота. Шофер, видимо привыкший к перепадам в настроении Омельченко, сидел с безразличным видом. Неподвижный Омельченко с какой-то тупой задумчивой покорностью смотрел перед собой. Но вдруг передернулся весь, разом сбросил свое немощное оцепенение и громко спросил:

– Как насчет баньки? Уважаешь?

– С дороги разве... – заколебался я. Но, подумав, что бог еще знает, когда придется мне побывать в баньке, решил не стесняться и добавил: – Уважаю. Очень даже.

– Такой бани, как у меня, Алексей, больше ни у кого, – серьезно сообщил Омельченко. – Мать! – весело закричал

он на всю улицу.

Из дома, приоткрыв дверь, выглянула красивая женщина.

– Чего орешь? До дома дойти некогда? Чего тебе?

Она улыбалась, придерживая на груди полы накинутаго на плечи тулупчика.

– Топи баню! – по-прежнему на всю улицу приказал Омельченко. – Гость у нас баню уважает.

– Чего это посеред недели? – удивилась женщина.

Я попытался вмешаться:

– Вы не беспокойтесь, пожалуйста. Какая сейчас баня?

– Разговорчики! – прикрикнул на меня и на жену, раскрывавшую перед машиной ворота, Омельченко. – Чтобы одна нога здесь, другая там.

Женщина скрылась, машина въехала во двор. Мигом поскидали мы в какую-то из пристроек мой груз. Потом Омельченко потащил меня и шофера в дом. Завертелась обычная в таких случаях карусель слов, ответов, расспросов, взаимных неловкостей и взаимного усердия с этой неловкостью справиться. Шофер вскоре, сославшись на дела, ушел, а немного погода приспела баня. Помню, я еще подумал: «Что-то больно быстро истопили. Наверное, на скорую руку, кое-как».

Баня оказалась отменной. В предбаннике густо пахло устилавшими пол пихтовыми лапами, березовым веником, раскаленными до пузырящейся смолы лиственничными бревнами. А когда Омельченко, гоготнув от жара, плеснул на камни из какого-то особого ковша маслянистой зеленова-

той жидкости – явственно и горячо запахло травами, медом и чем-то летним, невообразимо далеким от этих притундровых, заносимых снегом мест...

Я орал от восторга и жара, хлестал веником по огромному малиновому телу Омельченко, потом он хлестал меня; мы выскакивали, задыхаясь, во двор, бегали под плотно несущимся снегом, ложились в него в блаженном изнеможении, соскакивали, возвращались в обжигающее пахучее нутро баньки и снова махали вениками. Наконец Омельченко сдался.

– Ну, ты здоров, – уважительно сказал он, выплескивая на меня тазик холодной воды. – Что значит годы. Сердце крепче, кровь чище. А у меня голова закружилась. Ты домывайся, я пойду.

Он ушел, а я, донельзя довольный, что пересидел такого великана, принялся неторопливо мыться в пахучей полутьме. Сонное безразличие навалившейся усталости начисто отбило мое недавнее желание еще раз поразмышлять надо всеми сегодняшними событиями. Утренний разговор с Арсением я уже вспоминал как нечто давнее и незначительное. Трудный перелет тоже забылся, встреча с бичами казалась смешным недоразумением. Пожалуй, только Омельченко своей могучей плотью заполнил сузившееся пространство моего засыпающего воображения. «Интересно... – лениво раздумывал я, одеваясь. – Живут же такие люди... Им бы где-нибудь на виду, в центре делами ворочать. У них си-

лы черт знает на что хватило бы. А он – здесь... Что у него здесь? Дом, заработок, жена красивая. Немало, конечно. Но ведь человечиче какой! С его силами... Неужели он уже ничего не хочет? А может, хочет, да только я этого не знаю?» Я вспомнил его неподвижность и задумчивость, которая внешне стирала его оглушительную жизнерадостность, и решил, что мужик он все-таки далеко не однозначный и вовсе не годится для скоропалительного прочтения. Почему я так решил, и сам толком не понял, но решил пока придерживаться именно этой версии.

Выйдя в просторный двор, я невольно отвернулся от несущихся навстречу снежных хлопьев. Предсказанное диспетчером долгое ненастье торопилось заявить свои права. Судя по всему, привычно опережая сроки, начиналась бесконечная здешняя зима. Ждать несколько суток в переполненном аэровокзальчике – та еще перспективка. Как тут не порадоваться заботе Арсения, поручившего меня покровительству Омельченко. Не было бы Омельченко, не было бы баньки, не было бы этого уютного теплого дома, где так вкусно пахло едой и травами.

Следы Омельченко уже занесло снегом, поэтому я двинулся к дому наугад. Зашел за угол не то гаража, не то сарая и оказался у самых окон дома. Яркий свет из них освещал сумасшедшую круговерть снега. В одном из окон я разглядел хлопотавшую у стола хозяйку. Тут же стоял Омельченко и что-то рассказывал. Мне даже послышался его громкий го-

лос, что было, конечно, очень сомнительно, ввиду толстенных бревенчатых стен и наглухо законопаченных двойных рам. Омельченко засмеялся, запрокидывая голову. Засмеялась и жена. Удивительно подходили они друг к другу. Во всяком случае, в этом отношении задумываться ему, кажется, причин не было.

Я двинулся дальше. Мелькнули яркие, увешанные коврами стены другой комнаты. «Спальня хозяев», – решил я. Следующим было окно комнаты, в которой Омельченко устроил меня. Я узнал «веселенький», изображавший груду настрелянной неведомым охотником дичи, натюрмортик на стене, огромный тяжелый шкаф справа от дверей, стол посередине комнаты. У стола спиной ко мне стояла женщина и что-то внимательно рассматривала. Ладная фигурка, светлые, рассыпавшиеся по плечам волосы. Женщина нагнулась. На спинке стула у стола висела моя кожанка. В одном из ее карманов был бумажник, в другом документы. Мельком посмотрев документы, она положила их на место и достала бумажник. Я с тревогой подумал о командировочных и подотчетных на непредвиденные расходы. Да еще моя двухмесячная зарплата была там же. Хорош я буду. Но она только заглянула в бумажник и положила его на место. Деньги ее, судя по всему, не интересовали. А что ее интересовало? Кто она? Откуда? Омельченко о ней ничего не говорил. О её присутствии в доме я даже не подозревал. Словно почувствовав мой взгляд, она неожиданно обернулась, и я неволь-

но отпрянул назад, не сообразив, что с яркого света меня, притаившегося в темноте, ей нипочем не разглядеть. И все-таки она внимательно и долго смотрела в окно, словно прислушивалась к чему-то или пыталась что-то увидеть. Показалась она мне очень красивой. Снег, слезивший окна, отблески красноватого света, падавшего на нее из-под абажура, наверное, приукрашивали мои впечатления. Но даже со всеми скидками на преувеличения, оптические эффекты и ошеломленность было совершенно очевидно, что основания для подобных впечатлений у меня были. Буквально все – глаза, овал лица, поворот головы, фигура... В таких влюбляются мгновенно и серьезно. Женщина отвернулась от окна и отошла в дальний конец комнаты. Там стоял мой рюкзак. Она присела перед ним... Судя по всему, со мной знакомилась основательно. Правда, пока заочно и, мягко скажем, не совсем дозволенными методами. Особого восторга у меня это не вызвало. Я лихорадочно размышлял, что же мне делать? Зайти и застать ее? Спросить про нее у Омельченко? Она не признается или придумает что-нибудь. Может, зайти, молча забрать вещички, поблагодарить за баньку и отправиться в тот же аэропорт? Далековато. И груз мой уже здесь. Все-таки надо зайти и поинтересоваться – в чем дело?

Я двинулся было к дверям, и тут раздался выстрел. Звякнуло разбитое стекло окна, и почти тотчас во всем доме погас свет. Прижавшись к стене, я оглянулся в сторону выстрела. Глаза от недавнего света еще ничего не различали, в ли-

цо хлестал снег. Почему-то пригибаясь, я побежал к баньке – показалось, стреляли с той стороны. За банькой, действительно, кто-то недавно стоял – снег быстро заносил чьи-то следы. Следы вели к забору. Во всех соседних дворах надрывались собаки. Я посмотрел в сторону дома. Окно, сквозь которое я разглядывал Омельченко, было отсюда как на ладони. Очевидно, стрелявший дождался, когда я скроюсь за углом сарая, и считая, что вот-вот войду в дом, выстрелил. Дела! Не подстрелили ли Омельченко? Веселенькие события. Да еще мои следы под самым окном. В лучшем случае попаду в свидетели, в худшем – в подозреваемые. Что же теперь делать?

В это время раздался негромкий голос Омельченко:

– Алексей, а Алексей?

– Здесь, – отозвался я, делая шаг на голос.

Мы встретились посреди двора, и я невольно подумал, что если стрелявший, вместо того, чтобы убежать, залег где-нибудь поблизости, мы представляем для него неплохую мишень даже в этой снежной круговерти и темноте. Неприятное ощущение враждебного взгляда, упершегося в спину, заставило меня невольно поежиться.

– Ничего не слышал? – спокойно спросил Омельченко.

– Вроде стреляли? – ответил я вопросом на вопрос, решив пока не выдавать, что знаю про этот выстрел немного больше.

– Было дело, – подтвердил Омельченко и двинулся к дому.

Я подумал, что сейчас он увидит мои следы под окном, и кто знает, что придет ему тогда в голову.

– Кажется, совсем рядом стреляли, – сказал я, оставаясь на месте. – Только вышел – бац! Я даже испугался.

– Чего тебе пугаться? – остановился Омельченко. – Не в тебя, в меня стреляли.

– В вас?

– Ну. Я же лесник. По должности в этих местах не раз кому-нибудь поперек окажешься. А народ здесь крутой: чуть что – за ружьишко. И раньше так было, а сейчас того хуже.

Ветер рванул с какой-то неистовой силой. Снег хлестко лепил в лицо. Омельченко, стоявшего в нескольких шагах от меня, почти не было видно. «Какие там теперь следы? – подумал я. – Никаких следов. Ничего не надо объяснять... Впрочем, и про незнакомку, изучавшую мои документы, теперь не спросить. Откуда, скажет, у тебя такие сведения? Как разглядел? Из баньки? Надо каким-нибудь другим путем разобраться в этом вопросе». Я шел за Омельченко, думал обо всем этом и чувствовал, что снова проникаюсь к нему симпатией. Наверняка он не знал про то, что творилось в «моей» комнате. Может, подруга жены какая-нибудь? Он и знать не знает, чем она там занималась.

«Вообще-то многовато событий для одного вечера, – решил я. – И загадок тоже».

На крыльце Омельченко остановился и крепко взял меня за плечо.

– Понимаешь, Алексей, – тихо сказал он, – жинка у меня там... Надежда Степановна. Баба есть баба. Боится, плачет. А что я могу поделывать?

Он замолчал.

– Может, уехать вам отсюда, если так все? – неуверенно предложил я, не зная, к чему он клонит разговор.

– Уехать? – удивился Омельченко. – Да нет, Алексей. Такие, как я, не уезжают. Таких или ногами вперед выносят, либо они по-своему все поворачивают. Понял?

Скрытая сила и даже угроза прозвучали в его тихом голосе. «А ведь я недавно именно так о нем и подумал, – вспомнил я. – Такие не бегают».

– Скажем, сосед пьяный во дворе шебутится, – предложил Омельченко. – Стрельнул по пьянке в белый свет. Ты подтверди. Не то всю ночь реветь будет. А, Алексей? Как человека прошу.

– Так она завтра узнает, что не сосед.

– Узнает, – согласился Омельченко. – Хреновато это я придумал. Другое что надо.

Я искренне сочувствовал ему сейчас. Понравилось, что переживал он не за себя, а за жену. «Нелегко дается мужику здешняя жизнь...»

– Ладно, – вдруг сказал Омельченко. – Чего придумывать. Что было, то было. Пошли. Обойдется, перемелется.

Мы вошли в дом.

Разбитое выстрелом окно было плотно завешено одеялом. И больше никаких следов, которые могли бы выдать недавнее происшествие.

Вопреки предсказаниям Омельченко, жена и слова не сказала. Ни слез, ни истерик, ни объяснений. Поставила на стол огромное блюдо дымящихся пельменей и совершенно спокойным голосом сказала:

– Наваливайтесь, пока горячие.

Села рядом, посмотрела на мужа, на меня и неожиданно улыбнулась, видимо, по-женски угадав мою растерянность.

– Видите, как у нас... – сказала она. – Не сказать, чтобы скучно живем. Конечно, не как в городе...

Не докончив фразу, она замолчала, глядя, как муж споро-висто разливает из графина золотистую настойку.

– Я их все равно достану, – с неожиданной угрозой и зло-стью сказал Омельченко.

– Ну, достанешь, – спокойно согласилась жена.

– Достану, достану, – уверенно подтвердил Омельченко.

– А потом еще кто-нибудь... – тихо сказала она, глядя в сторону.

– И потом достану, – с грозной уверенностью сказал Омельченко. – У меня силы хватит.

– Хватит... – подтвердила жена.

– И все! – провозгласил Омельченко и поднял стакан. – Выпьем, Алексей. Чтобы всем нашим врагам сейчас икалось.

Серые глаза его сощурились, смотрели пристально и насмешливо, с каким-то затаенным и в то же время показным превосходством надо мной. Словно и я был одним из тех врагов, за гибель которых он предложил выпить. Выпили, и только было принялись за пельмени, как из сеней послышался сильный стук в закрытые двери.

– Сиди! – прикрикнула жена на поднявшегося было Омельченко. – Сама открою.

Она вышла.

– Кто? – раздался из сеней ее голос.

Ей громко и неразборчиво ответили из-за двери. Омельченко, видимо, узнал голос. Он шагнул к двери, слева от которой рядом с ворохом одежды висели карабин и ружье, достал из висевшего тут же патронташа два патрона, снял ружье, переломил, торопливо зарядил и сел на прежнее место лицом к двери, положив ружье на колени.

– Не бойсь, Алексей, – спокойно сказал он мне. – Хлесткину, помимо меня, в настоящий момент ни к кому интереса не будет. А он такой мужик, что если начнет стрелять, то и в темноте не промахнется. Запускай его, Надежда, – крикнул он жене. – Пускай, пускай, мы к разговору вполне готовые.

Звякнул запор, в дверях, щурясь от света, появился облепленный снегом невысокий человек с карабином на пле-

че. Очевидно, это и был Хлесткин. Он рассмотрел Омельченко, пятерней смахнул с бровей, ресниц и реденькой светлой бородки снег, снял и стряхнул лохматую, необыкновенных размеров шапку, а затем, с неожиданным спокойствием и неторопливостью, уселся на широкую лавку у входа. Карбин он положил на колени и только тогда снова посмотрел на Омельченко. Шальная вызывающая полуулыбка чуть тронула его потрескавшиеся губы. Омельченко принялся за еду, жена осталась стоять в дверях рядом с Хлесткиным, а я в растерянности поочередно смотрел на всех, не зная, что делать.

– Стучал, ломился, а теперь молчишь? – спросил наконец Омельченко. – Садись лучше к столу.

– Зимовьюшки-то мои, Петро... все... Все, как одно.

– Что все-то? – спросил Омельченко, перестав жевать.

– Под корень. В точности, как ты сулился.

Омельченко потянулся за пельменем.

– Я тебя вообще предупреждал. «Вообще» – понимаешь? – стал объяснять он, внимательно следившему за ним Хлесткину. – Будешь соболишек налево гнать – я так и сказал, – прекратим твой промысел. Я тебя официально предупреждал.

– Он в тайге-то уже месяца два или боле того не был, – неожиданно вмешалась жена. – Иди к столу, недотепа чертова! – прикрикнула она на Хлесткина. – Раздевайся. Сидит тут, вооружился...

Она забрала у него из рук огромную шапку, потянула к себе карабин. Хлесткин придержал было карабин, но она дернула сильнее, и тому пришлось выпустить из рук свое оружие. Хлесткин поднялся. Неловкая злая улыбка исчезла с его морщинистого лица, и оно сразу стало растерянным и усталым. Медленно стянул он с себя старенький полушубок и пошел к столу. Сел напротив нас с Омельченко, внимательно посмотрел мне в лицо, хотел что-то спросить, но промолчал, увидев, что Омельченко взял с колен ружье и протянул жене.

– Приготовился? – кивнул он на ружье.

– А что делать? – весело отозвался Омельченко. – Не ты первый. Сегодня уже окошко продырявили. Налить?

– Давай, – согласился Хлесткин. Растерянность его проходила. Он снова внимательно посмотрел на меня и спросил: – Занятные для постороннего человека обстоятельства. Как?

– Не то чтобы занятные, скорее непонятные, – неуклюже сострил я.

– С чего стреляли? – спросил Хлесткин.

– С мелкашки, – сказал Омельченко и неожиданно оглушительно захохотал. – Захотели Омельченко с малопульки уложить. Ну, деятели...

– Несерьезно, – подтвердил Хлесткин. – Тебя если бить, так только с карабина... – Резко выдохнув, он выпил налитый хозяином стакан и, закусив, сказал: – Видать, не наши стреляли. Наши бы не промахнулись.

– А снег? – возразил Омельченко. – А стекло? А шторка?

Опять-таки, я не столбом стоял. Не очень простая задача, Хлесткин, не очень. Я соображаю, поугатать хотели.

– Товарищ по лесу будет или откуда? – неожиданно спросил про меня Хлесткин.

– Товарищ будет по птичьей науке. На Глухую собирается. Рабочего ищет. Может, тебе с ним? Охота теперь твоя все равно порушена, а так хоть на табачишко наскребешь.

Омельченко явно издевался над своим гостем. Впрочем, мне показалось, что и надо мной тоже. Хлесткин сидел, опустив голову. Дождавшись, когда Омельченко замолчал, тихо сказал:

– На табачишко у меня, Петро, хватит. Нужда будет, и тебе одолжу. А поскольку в тайге ты давно не был, объясню сейчас тебе, каким образом мои зимовьюшки уничтожили.

– Сожгли, что ль? – спросил Омельченко и подмигнул мне на Хлесткина. – Или раскатали? По бревнышку. Может, медведь? – и он снова оглушительно рассмеялся.

– Серьезный медведь, Петро. Хитрый. Враз все сыскал, враз все под корень снес. Только если серьезно приглядеться, то вот где взрывчатка пропащая отыскалась. Медведь ее использовал.

– Какая взрывчатка? – сразу посерьезнел Омельченко. – Чего несешь?

– Что имею, то и несу. Завтра заявлять пойду. Официальным образом.

– Конечно, заявить надо, если такие соображения. Если

доказательства, конечно, имеются, – осторожно поддержал Хлесткина Омельченко.

Мне показалось, что Хлесткин с интересом глянул на него.

– Есть и доказательства.

– Значит, надо заявлять, – снова повторил Омельченко. – Может, старатели?

– На кой я им? Мы с ними еще нигде на узкой тропке не сходились. А вот твоё заявление я полностью помню.

– Так это я так – для острастки, для порядку. Ты же все места по тайге захватил, где самый соболь. Жалобы на тебя соответственно были. Не меньше, чем полсотни добываешь, а сдаешь от силы десятков. Завистников, Степа, на свете всегда хватает.

Хлесткин, не ответив, налил себе стакан, выпил, ни на кого не глядя и сразу как-то осев и постарев, неуверенным движением потянулся за закуской. Не дотянулся, встал.

– На закон давишь? – вдруг, взвизгивая, закричал он, склоняясь к улыбающемуся Омельченко. – Указываешь?! А сам?! Сам-то что?!

– Что сам? – вроде бы искренне удивился Омельченко. – Я на должность такую поставлен – закон защищать. А ты как думал?

– Защищать... – прошипел Хлесткин, словно задохнувшись. – Ты... Защищать... Думаешь, никто ничего не знает? Думаете, слепые все? Я еще дойду до твоего гнезда...

– Ну, ладно, – тоже поднялся Омельченко. Огромный, тяжелый, он угрожающе возвышался над Хлесткиным. – Думал по-хорошему с тобой... А ты даже в чужом доме, за столом, за который тебя как человека пригласили... При госте, вот, при моем и кусаться норовишь. Больше я с тобой, Хлесткин, говорить не желаю. Уходи!

– Гонишь? – тихо и совсем трезво спросил Хлесткин.

– Не гоню, а уходи лучше.

Хлесткин медленно пошел от стола, прихватил свой полубок, шапку, снял со стены карабин и, не одеваясь, шагнул за дверь.

– Первый браконьер в наших местах, – повернулся ко мне Омельченко и сел, придвинув свой стул поближе к моему.

– Выходит, зимовьюшки его в защиту природы подорвали? – спросил я. – Есть у вас такие борцы?

– Да брешет он! Думаешь, правда? – сказал Омельченко. – Старатели, наверное, сожгли одно-два. А он – все! Всех он и сам не знает. Всю тайгу уставил своими капканами, паразит. Ты его слушай больше, он тебе наговорит. Выпьем, – придвинул он мне полный стакан. – После баньки самое то.

Я отодвинул стакан:

– Мы еще не договорились...

Омельченко тоже поставил поднятый было стакан.

– Не договорились? О чем? Напомни, если не трудно.

Мне показалось, что он слишком уж откровенно валяет дурака, и решил идти напролом.

– И Арсений Павлович говорил, я сам теперь убедился – вы тут можете если не все, то почти все. Петр Семенович, от своего имени и от имени науки прошу... Помогите с рабочим, чтобы в самое ближайшее время мне на Глухой оказать.

Омельченко долго молчал, глядя мимо меня сузившимися глазами, потом тихо сказал:

– Не хотел я тебя, Алексей, расстраивать, сразу не стал говорить. Но раз так вопрос ставишь, то, как ни пяться, разговора не миновать. Скажу по-простому – дело твое хреновое: на Глухую тебе никак не попасть.

– Разве сейчас согласится кто? – вмешалась Надежда Степановна. – Люди только что из тайги повозвращались, по домам рвутся. Какие, наоборот, на охоту подались или собираются. Тут лишнего человека не найдешь, не город.

– Не только в этом дело, – подхватил Омельченко. – Я летунов наших наизусть изучил. Снежок сейчас на неделю наладил. После него, думаешь, сядешь на Глухой? Ни в жизнь. Не будь снега, на косе бы сели. А под снегом ее разве разберешь? То ли коса, то ли ледок. Промахнешься и на реку. А она, считай, до января не мерзлая. Наледь на наледи. Ни один летун рисковать не будет.

Я ему поверил. Говорил он убедительно. Но и мне тоже ничего не оставалось, как стоять на своем.

– Можно высадиться на островке, – сказал я. – У мыска.

Омельченко пристально посмотрел на меня. Мой ответ

его явно озадачил.

– У мыска? – переспросил он. – Арсений Павлович посоветовал?

Я промолчал. Совет действительно исходил от Арсения.

– А как через протоку переберешься? Вещички как перетаскивать будешь? У тебя их не так чтобы мало. Река дуром прет. Шуга вот-вот. Гроб с музыкой получится,дохлое дело. Даже думать не над чем. Еще ежели, так рабочего сейчас точно не сыщешь. Днем с огнем. А без рабочего, как я понимаю, тебе строгий приказ – растереть и забыть. Так?

В том, что он говорил, все было правильно. Именно это мне и не нравилось. Слишком все складывалось против меня. И Омельченко, похоже, это вполне устраивало. Почему? Или мне показалось? С такой готовностью кинулся помогать, а теперь сообщает, что все зря. И явно доволен, сообщая об этом.

– Не согласен? – не дождавшись от меня ответа, спросил Омельченко.

– Не согласен. В экстренном случае, если все срываться будет, мне предоставлено право самостоятельного решения. Вещички я перетаскаю. И через речку, и через протоку. Не в первый раз. У нас экспедиции из-за такой ерунды не отменяют.

– Из-за ерунды, говоришь? – переспросил Омельченко. И вдруг широко улыбнулся. – А что? Вдруг сладится? Нравятся мне такие, которые на рожон прут. Я и сам такой. Верно,

Надюха?

– Нашел чем хвалиться, – буркнула та. – Вы бы ели. А то как этот дуrolом заперся, все настроение спортил.

И тут бесшумно, и совершенно неожиданно вошла она. Я почти забыл про нее среди следовавших почти без передышки событий и разговоров, не то чтобы совершенно меня ошеломивших, но все-таки достаточно захватывающих, чтобы отодвинуть на второй план смутное видение роющейся в моих вещах красавицы. Я помнил про нее и не помнил. А еще вернее, как это иногда случается почти с каждым из нас, мучительно старался вспомнить, что же такое важное я забыл. Ни с кем не поздоровавшись, она тихо спросила, глядя на занавешенное окно:

– Кажется, баню топили?

Омельченко крякнул, со стуком поставил поднятый было стакан.

– Видал, какие в моем доме бабы? Одна другой краше, – громко, но, кажется, не очень весело спросил он у меня.

Я только оторопело пробормотал:

– Да уж...

– Топили, Ирочка, топили, – словно спохватилась Надежда Степановна. – Не должна еще выстыть. Пойдешь?

– Пойду, – так же тихо сказала незнакомка и, повернувшись, скрылась в комнате, которую вроде бы отвели под мое местопребывание. Других комнат, кроме спальни хозяев, кухни и той, в которой мы находились, в доме, кажется,

не было. Только я было рот раскрыл, чтобы спросить, как она снова появилась. На плечи накинута дубленка, в руках пакет, голова непокрыта. Подошла уже к входной двери, за ручку взялась и вдруг обернулась.

– Извините, что не поздоровалась. Никак проснуться не могу. Весь день сплю, сплю. Погода, наверное. Проснулась – снег, ветер, тоска. Подумала еще – хорошо бы в баню. Вы Леша Андреев, да? – неожиданно спросила она меня.

– Вроде так... по паспорту, – буркнул я, неуклюже намекая на подсмотренное знакомство с моими документами. И для чего-то пожал плечами, что выглядело совсем уже глупо.

Не знаю, что она там подумала по поводу моего ответа, может быть, даже о чем-то догадалась. Посмотрела на меня внимательно – не улыбнулась, не удивилась, не насторожилась, а просто посмотрела внимательно, слегка наклонила голову, словно соглашаясь, и, толкнув бедром дверь, вышла.

– Что, произвела? – прекрасно разобравшись в моем задержавшемся на закрытой двери взгляде, спросил Омельченко, предварительно многозначительно кашлянув, дабы привлечь внимание. – Такие, Алексей, своим существованием наотмашь бьют. А там как сложится. Устоишь на ногах, может, и оклемаешься. Не устоишь, на карачках вслед поползешь.

– Не мели, – резко и хмуро вмешалась жена. – Баба как баба. Только что вашему брату угодить не торопится. Я тебе забыла сказать, – обратилась она к мужу. – Птицын утром

к ней заскакивал. С полчаса шушукались, потом подались куда-то. Незадолго до вас вернулась. А говорит – спала.

Омельченко снова поставил стакан, который все никак не мог донести до рта, и я заметил, что он насторожился и явно озадачен.

– Интересничает, – сказал он наконец. – Видать, Алексей ей показался. Да откуда она фамилию твою разузнала? Птицын сообщил? Он-то откуда знал, что ты здесь окажешься?

Загадку насчет того, как она с моими данными разобралась, я мог бы ему в два счета разъяснить, но что-то остановило меня. Не захотелось рассказывать, как в окна подглядывал. Остановило и еще кое-что. Какая-то звериная вскинутость Омельченко, как только он услышал о приходе Птицына. Я решил продолжать валять дурака, делая вид, что мне до лампочки все эти недоговоренности и задачки на местную тематику. Взял свой стакан, чокнулся со стаканом Омельченко, который стоял на столе, с пьяноватой многозначительностью приподнял его в сторону расстроенной хозяйки и, проглотив содержимое двумя глотками, задыхаясь, потянулся за закуской. Лишь тогда спросил:

– Родственница ваша? Или квартирантка?

Омельченко снова хотел было поставить поднесенный к самому рту стакан, но передумал и, махом опрокинув его, закрыл глаза и замер, словно прислушиваясь, как разбежится по жилкам и сосудикам тепло настоящей на каких-то травах и кедровых орехах водки. Наконец он открыл глаза и,

посмотрев на супругу долгим внимательным взглядом, сказал:

– История эта, Алексей, таинственная и до сих пор для всех совершенно непонятная.

Я приготовился слушать, но Омельченко надолго замолчал, тщательно и, по-моему, без особой надобности пережевывая отправленный в рот пельмень.

– Не придумаешь, с чего и начать, – сказал он наконец. – Может, сам чего слышал?

Внутренне я даже вздрогнул от его острого и, как мне показалось, тревожного взгляда. Или спрашивающего? Даже угроза почудилась в сведенных бровях, плотно сжатых губах, руке, с силой сжимавшей вилку. Смотрел в самые глаза, словно заранее не верил ни одному моему слову. Холодный испытывающий взгляд трезвого, умного и чем-то очень испуганного человека. Мне даже не по себе стало, так все это не вязалось с громкогласым, сильным, веселым, ничего на свете не боящимся человеком. Я вспомнил, что недавно испытал нечто похожее, рассмотрев перед собой вместо пьяного, ничего не соображающего бича, волевого, собранного и тоже, кажется, чем-то напуганного человека. Хотя говорили мы с ним совершенно о другом.

«О чем это он?» – подумал я и в недоумении пробормотал: – Не понял, вы о чем?

Недоумение мое было вполне искренним, он мне поверил. Я сразу это заметил. Взгляд потеплел, снова стал пьянова-

то рассеянным, губы снова задвигались, вилка потянулась за куском крупно нарезанного малосольного хариуса.

– Не морочь голову человеку, – сказала Надежда Степановна с какой-то безнадежной болью в голосе. – Зачем ему? У него своих хлопот полон рот.

Но я уже твердо решил, не нытьем, так катаньем допытаться до всего, чего до сих пор никак не мог объяснить себе, что не укладывалось в казалось бы незамысловатый перечень событий, которые произошли со мной в сегодняшний ненастный вечер. Чего бы проще – прилетел, встретили. Могли бы и не встретить, но Арсений дозвонился, попросил помочь. Поэтому встретили, предложили ночлег, баньку, ужин по высшему классу, о котором только мечтать, останься я в забитом под самую крышу аэровокзальчике. То, что рабочего в это время с собаками не отыщешь, тоже нормально, предполагалось почти со стопроцентной уверенностью. А вот все остальное... Красавица, ловко обшарившая мои вещички за время моего подзатянувшегося кайфа в баньке... Неожиданные задумчивости и тревоги Омельченко, его то и дело проскальзывающее недоверие ко мне. Выстрел в окно, странно совпавший с моим любопытством... Появление озлобленного Хлесткина и его откровенные угрозы... А бичи? Правда, это, кажется, из другой оперы, но все-таки, все-таки...

– У нас об этом в то время на тыщу километров окрест гудели. Из самой Москвы оперативная группа заявила. Та-

кой тарарам подняли – ни дохнуть, ни шевельнуться. На сто рядов каждого обтрясли, просветили, отчет составили.

– Он тебя об Ирине Александровне, а ты об чем? – все с той же тоскливой безнадежностью перебила его жена. – Чего сейчас старое вспоминать?

– Фиг ли ей тогда тут понадобилось? С какой такой целью она объявилась? – не выдержав, повысил голос Омельченко.

– Сама она, что, не сказала? – с деланной непонятливостью поинтересовался я.

– Сама... Сама она все, что желаешь, объяснит. Наслушаешься еще. Говорить они все мастера, – с какой-то детской обидой неизвестно на кого сказал хозяин и надолго замолчал.

Жена жалостливо поглядела на него, тяжело ворохнулась на заскрипевшем стуле и, обращаясь только ко мне, словно тот, про кого она говорила, находился за тридевять земель, стала рассказывать:

– Его это тогдашнее чуть до белой горячки не довело. Поболе года чуть ни каждую ночь соскакивал. Вскинется и сидит как полоумный, ничего не соображает. Пока стакан водки не приговорит, ни за что не уснет. Думала, все, сопьется мужик. Это он с виду такой шумный да здоровый, а коснись – хуже пацана малолетнего. Так и водка не брала. Выпьет – и ни в одном глазу. Но, правда, засыпал. Полежит, полежит, потом, смотрю, захрапел. Извелась я с ним тогда.

– Тебя изведешь, – с неожиданной злостью сказал Омель-

ченко и вдруг, повернувшись ко мне, протянул руку, с силой сжал мое плечо.

– Ты вот что, Алексей... Вот что мне скажи... Я, конечно, тоже не валенок, слежу. И книжки, и газеты всякие. Только мой техникум лесной, сам понимаешь, не та база. Правда, что ль, чужие мысли сейчас запросто разбирать могут?

– Ну уж и запросто, – растерявшись, хмыкнул я. – Опыты, конечно, проводятся. Только результат, как говорится, не очень убеждает. Есть, говорят, отдельные непонятные феномены...

– Вот! – он еще сильнее сжал мое плечо. – Есть, значит, сволочи. Влезут тебе в башку и начнут копать, как мышь в крупе. Нагрызают по мыслишке себе в доказательство. Так ведь там, в голове, такое... Что хочешь можно сообразить из этих огрызков. Залезу я к тебе, к примеру, а там полная дребедень, особо после стаканá-другого. Баба у меня красивая? Впечатляет. И в теле. Ты же не можешь не подумать – вот бы, а? Любой подумает – и я, да и она насчет тебя или другого кого. На то и человек, чтобы думать и представлять. А я, не разобравшись, за одну эту твою мыслишку, если доберусь до нее, по башке тебя чем потяжелыше: – А, гад, бабу мою захотел!

– Дурак! – сказала жена.

– Я к примеру, ты не обижайся. Это какая тогда жизнь начнется? А? Вот и эта заявила. Я, говорит, могу и прошлое, и будущее, если стечение обстоятельств какое-то вы-

падет. Мысли, говорит, самые тайные могу угадать. Я, говорит, этот... Как его?

– Экстрасенс? – улыбаясь, подсказал я.

– Да нет, этот...

– Парапсих какой-то, – подсказала Надежда Степановна.

– Во! – парапсихолог. Разбираться приехала.

– В чем?

– В том, что произошло. Тогда.

– Ерунда! – категорически заявил я.

– И я говорю – полная хренотень. Два года вон какие лбы разбирались, не разобрались, а эта заявила – фу ты, ну ты – разобралась. Иди тогда, разбирайся! А то сидит вторую неделю – ни бе, ни ме, ни черту кочерга. Все сны свои рассказывает. Позволь еще спросить: – А на хера это все тебе надо?

– Ей, – поправил я.

– Ну да, ей.

Я налил ему и себе, и в предвкушении возможности внести некоторую ясность относительно парапсихологических возможностей таинственной незнакомки, рискнул было озвучить предложение, могущее подвинуть Омельченко на дальнейшие откровения:

– Выпьем еще по одной, потом все по порядку. Мне, как человеку в ваших прошлых событиях совершенно несведущему, ничего пока не понятно. Кроме одного... – Я оглянулся на входную дверь. – Могу поспорить на что угодно, что ни до одной, самой вот такусенькой мыслишки, ни моей...

ни вашей... ни вашей... эта красавица никогда не доберется. А если все-таки возникнут сомнения, могу продемонстрировать, как дуракам лапшу на уши вешают.

Омельченко с интересом посмотрел на меня и спросил:

– Чего ей тогда вообще тут надо?

– Чтобы ответить на этот вопрос, желательно сначала понять, почему вы ее боитесь?

– Кто боится? Я боюсь? Я?!

Омельченко выпрямился во весь свой внушительный рост и угрожающе навис надо мной, по-прежнему сжимая в руке вилку.

– А то нет! – не выдержала вдруг Надежда Степановна и ударила по столу ладонью. – Ирочка, Ирочка, Ирочка, Ирочка... Так и вертится вокруг, как бес, чуть пополам не гнется. Я поначалу даже перепугалась. Думала – никак глаз положил? Потом гляжу – нет, не то, вовсе не то. Глядит на нее, как, к примеру, на Хлесткина, когда у того карабин в руках. Опять по ночам вскидываться стал.

– Не городи, Надька, не городи, – Омельченко тяжело опустился на табурет. – Сама не знаешь, что несешь. Он еще подумает... Чего мне ее бояться? Меня другое с толку сбивает: почему она не скажет ничего толком? Я что, без глаз или дурачок какой, как он вот объявил.

– Да чего она тебе сказать-то должна? Сам-то ты знаешь про то или нет?

– Я тебе, Алексей, как человеку постороннему и научно

образованному, все сейчас расскажу. А ты подумай и выскажи: все тут на местах стоит или совсем наоборот? А если наоборот, тогда, понятное дело, вопрос возникает – по какой причине? Честно тебе говорю – голову сломал. Вроде бы одно за другим, а вместе – полная хренотень получается. Поговорить, посоветоваться – ни души. Что я, Сереге Птицыну или Хлесткину, вон, объяснять буду?

Он налил себе и мне настойки, выпил и стал рассказывать.

– Я почему про ту историю начал? Потому что она сразу заявление сделала: – Пока в том, что тогда случилось, не разберусь, буду здесь жить. Хоть всю жизнь буду проживать, а разберусь.

– У вас жить? – воспользовавшись случаем, решил я выяснить очень занимавший меня вопрос. – Кстати, где она тут у вас располагается, если не секрет?

Последовало довольно продолжительное молчание.

– Здесь и располагается, – буркнул наконец Омельченко. И добавил неопределенно: – Разберешься.

– Давай лучше я ему все расскажу, – снова не выдержала Надежда Степановна. – А ты ешь, пей да слушай, – приказала она недовольно зашевелившемуся мужу. – Понесешь опять невесть что. Он попросту ничего не расскажет, чтобы все по порядку. Как якут на олене – что в голову придет, то и поет.

– Рассказывай, – с неожиданной покорностью согласился Омельченко. Но вдруг что-то в нем сорвалось, он выпрямился и почти закричал: – Что, скажешь, не похожа она на Оль-

гу? Не похожа? Даже говорит, как она, словно отдышаться не может.

– А я помню твою Ольгу? – оборвала его жена. – Только раз и видела издали.

По ее гневно сдвинутым бровям я понял, что по неведомому мне поводу назревает нешуточная семейная ссора. Пришлось вмешаться.

– Хоть убейте, ничего понять не могу. Начали про вашу постоялицу и ее необыкновенные способности, теперь про что-то другое. Предлагаю еще по одной, а про это другое совсем не будем.

Я, конечно, кривил душой. Очень мне хотелось узнать, из-за чего когда-то чуть не спился могучий Омельченко. Смутно догадываясь, что эти так напугавшие его события каким-то образом связаны с тем, что происходило сегодня, а может, даже с тем, что произойдет в ближайшем будущем, я, одновременно, понимал, что мое чрезмерное любопытство или настойчивость в вопросах, которые мне еще совершенно непонятны, могут оборвать так непросто начинающийся рассказ.

Выпили еще по одной. Несмотря на мою не раз проверенную невосприимчивость к воздействию алкоголя (я только никак не мог разобраться – то ли эта невосприимчивость вызывала мое к нему равнодушие, то ли равнодушие обуславливало невосприимчивость), на этот раз в голове у меня зашумело, окружающее окончательно замкнулось уютным

пространством теплой комнаты и обильного стола, сидевшие рядом люди теперь уже безоговорочно казались добрыми, простыми и по непонятной причине очень несчастными. Надо было во что бы то ни стало им помочь. С трудом удерживая себя от желания тут же высказать свои самые теплые к ним чувства, я с преувеличенной сосредоточенностью занялся едой и скоро поймал себя на том, что вот уже несколько раз неудачно пытаюсь подцепить вилкой ускользающий остывший пельмень. Я поднял глаза на Омельченко – он следил за моими действиями с каким-то оцепенелым равнодушием. Только после этого я расслышал, что Надежда Степановна уже начала свой рассказ.

* * *

Старательская артель, видимо из новичков в этих местах, согласилась на участок между двумя кряжами Отойчанского хребта. Вероятность удачи, на взгляд знатоков, была почти нулевой – места дальние, гиблые, для существования почти непригодные и, по оценкам геологов, едва ли сулившие даже минимальный навар. Деваться мужикам, видать, было уже некуда, отказ и вовсе оставил бы их без работы. Зимой с великими трудами забросили кое-какую технику, весной – людей. А после первых оттепелей в те края кроме как вертолетом и пытаться нечего было. Да и то тогда только, когда ветер сдувал с высоких заснеженных гольцов тяжелые холод-

ные облака. Лето же в тот год выдалось, можно сказать, беспросветное – обложные ледяные дожди со снегом, туманы, морось. Говорят, даже пушица не зацвела от такой напасти, и голодные охудавшие звери чуть ли не стадами подавались на северо-запад, где за зубцами удерживающих дожди гольцов простиралась бескрайняя лесотундровая низина, над которой, хоть и редко, но нет-нет и проглядывало скупое колымское солнце.

Рация у них почему-то почти сразу вышла из строя, а вертолет не мог пробиться через облака почти два месяца. Ни пешком, ни на лодке туда без сверхсобога на то резона не рискнул бы и самый отчаянный промысловик. Даже Хлесткин, которого долго и очень убедительно уговаривало самое различное местное начальство смотаться налегке туда и обратно для приблизительного хотя бы выяснения обстановки, несмотря на обещанную немалую мзду и свою, всем известную жадность, не очень долго раздумывая, отказался, сославшись на застарелый радикулит, который в такую погоду мог свалить его на первом же полушаге. В общем, почти все лето об артели ни слуху ни духу. И только в середине августа от кочевавшей мимо тех мест бригады оленеводов узналось наконец что на небольшом, за малостью оставленном геологами без осмотра, ручье наткнулись старатели на совершенно невероятное, «бешеное» золото и, забыв обо всем на свете, выгребают свой фарт всеми подручными средствами. Такое в этих местах нет-нет да случается. Но и после

этого ошеломляющего сообщения, несмотря на заклинания, уговоры и даже угрозы тех, кто по долгу службы был кровно заинтересован в немедленном прояснении обстоятельств и в столь же немедленном вывозе и учете добытого за прошедшие месяцы драгоценного металла, еще дней двадцать не случилось ни малейшей возможности добраться до словно растворившейся в таинственной неизвестности и дождливой хмари артели.

Несмотря на то что случившееся старались изо всех сил удержать под строжайшим секретом, слухи все-таки просочились, расползлись по поселку и подняли на ноги немалое количество людишек, бог знает с какими целями проживавшими и шуровавшими в окрестных местах. Некоторым захотелось оказаться у отрогов хребта из чисто охотничьего азарта и неумемного любопытства к самой возможности такой невероятной удачи. Некоторые с осторожным оптимизмом надеялись хотя бы кончиком пальца прикоснуться к счастью, старательно до сих пор от них ускользавшему. Кто-то из не боявшихся ни Бога, ни черта одиночек хотел втихаря пошарить в удачливых окрестностях, пока не появились там те, кому по должности полагалось сберегать не вычерпанные еще до конца государственные недра. И, как потом уже выяснилось, отыскались и такие, которые, не полагаясь на обманчивый фарт, просчитав все возможные случайности, решили действовать наверняка.

Как они сумели появиться там несколькими днями рань-

ше остальных, с кем из старателей оказались в заранее оговоренной связи или сумели стыкнуться в считанные часы, выяснить так и не удалось. Но то, что без помощи кого-то из своих среди артельцев не удалось бы это беспримерное по жестокости и стремительности совершенное дело, сразу стало ясно даже самому лопухому следователю. А следователи потом туда заявили далеко не новички, скорее даже высшего, а еще точнее – высочайшего класса. Но оказались они там после того, как к старателям, обойдя по большой дуге хребет и зацепившееся за него с севера ненастье, прорвался один из лучших экипажей базировавшегося в Билибино отряда вертолетчиков.

На месте стоянки старателей ни одной живой души они не застали. Тела всех шестнадцати человек были в наличии, но признаков жизни ни в одном из них обнаружить уже не удалось. Сработано было чисто – без выстрелов, без резни, без кровищи, без погони за разбежавшимися по кустам стланника свидетелями. Судя по всему, с помощью одного из этих шестнадцати бухнули в ведро с горячим сладким чаем какое-то необычное зелье. Следователи потом его формулу по крупинкам, по микронам восстанавливали, удивляясь невероятной редкости и сложности доставленного в столь отдаленные места препарата, а главное, словно заранее предполагавшейся возможности подобного его применения. Хотя вряд ли хоть один человек на свете мог предсказать, что бе-долаги-старатели наткнутся в тех местах на такое невероят-

ное золотишко.

Поскольку пострадавшие, как выяснилось, были в полном составе, то из этого следовало, что помогавший убийцам тоже находился среди них, вылакав, очевидно, под угрозой насилия, остатки им же отравленного чая. Правда, могло случиться и так, что по глупости или невероятной доверчивости он поверил, будто высыпаемое им в общий котел зелье носит характер снотворный, а вовсе не смертельный и, уступив уговорам или угрозам, решил, дабы не возбуждать подозрений, до поры до времени оказаться среди временно, как он думал, пострадавших. И оказался среди них на веки вечные. В общем, версий предполагалось несколько, но ни одна из них впоследствии не стала единственной и бесповоротной. По очень простой причине – ни один из преступников не рассказал и теперь уже никогда не расскажет о том, что произошло на самом деле.

Было их, как скоро узнали, четверо. Трупы двоих из них отыскивали уже через несколько дней в ходе обвальных розыскных мероприятий, охвативших огромные пространства этих почти безлюдных мест непроницаемым кольцом засад, прочесываний, облав и погонь. Тысячу раз пожалели те, кто не стерпев, кинулись к безымянному ручью, на свой страх и риск преодолевая почти непроходимые гибельные пространства. Их задерживали в дороге, во время сна у догорающего костра, затаившихся в замшелых зимовьюшках, а некоторых, почуявших недоброе, даже в ямах, под кучей торопли-

во срубленных ветвей. Кое-кто уже почти добрался до хребта. Словно им назло, именно в эти последние дни занена- стившегося лета сильными ветрами со слегка отогревшегося Охотского моря разорвало и разметало к югу холодные тучи, и солнце, словно обрадовавшись освободившемуся пространству, обрушило на него последние остатки своих летних щедрот, торопливо окрашивая тусклую зелень в светящуюся желтизну и просвечивая до последней травинки скупую местную растительность. Воздух, освободившись от мороси, туманов и непроницаемой пелены дождей, стал сухим и до того прозрачным, что с вертолета легко было разглядеть любые движущиеся и даже неподвижные предметы: лодки, дым костра, следы, оставленные на песчаных берегах... Оди- ноких искателей счастья, не говоря уже о небольших груп- пах, отыскивали и задерживали с быстротой, свидетельство- вавшей о весьма высоком качестве затейного поиска. Гово- рят, такого не только тут, но за несколько десятков лет по всему краю не случилось. Кто-то не поленился подсчитать, что сумма затрат, отведенных властями на всю эту розыск- ную панику, намного превосходила вес золота, которое мог унести один человек. Безвестный счетовод ошибся. Чело- век, который уносил золото мертвых старателей, нес его го- раздо больше, чем можно было предположить в самых сме- лых расчетах. Правда, вначале они несли золото вчетвером. Но двоих из них, как уже было сказано, отыскивали доволь- но быстро. Убиты они были выстрелами в спину и лежали

рядышком среди белых стволов плавника, головами к воде, едва прикрытые полусгнившими ветвями, собранными тут же на берегу. Продолжайся в те дни прежнее ненастье, вероятность того, что их отыскивали так скоро, была почти минимальной. Не за горами был осенний паводок. Подельники, видимо, и рассчитывали на это, не приложив чуть больше усилий и усердия для сокрытия следов. Но прорвавшееся наконец солнце высветило на месте покинутой стоянки сущий пустык – крышку консервной банки, отброшенной за ненадобностью в сторону. Отраженный блик короткой вспышкой привлек внимание сверхбдительных поисковиков, и скоро окрестный эфир захлебнулся торопливо сообщаемыми данными и приметам.

Опознали их почти сразу. Почти сразу обозначилось и возможное число остальных. Сначала предположили, что их осталось трое, но по скоро обнаруженным следам стало ясно, что их всего двое. Они уходили на юг, к хребту. Это было либо невероятной глупостью, из-за явной невозможности преодолеть предстоявшее расстояние, либо тонко рассчитанной хитростью, в ходе разоблачения которой преследователи предполагали столкнуться или с каким-нибудь заранее припасенным средством передвижения, или с тщательно замаскированной схоронкой, в которой бежавшие собирались пересидеть самый тщательный поиск. Перед оперативниками наконец забрезжил призрак скорой удачи. Кольцо поиска было настолько плотным и стремительно сужавшимся, что

преступники могли продержаться не больше четырех-пяти дней.

А вскоре наткнулись и на третий труп. Так же, как и у тех двоих, пуля с безукоризненной точностью вошла в спину и, разорвав сердце, вырвалась наружу со сгустками искромсанной плоти и струей обильно хлынувшей и еще не успевшей засохнуть крови. Следы убийцы уходили к озеру Абада. К этому времени уже стало известно его имя и до мельчайших подробностей изучена биография. Это был Григорий Башка, несколько месяцев назад бесследно исчезнувший не только из своего очередного строгорезимного пристанища, но и из оперативных сводок, до того довольно часто с прямолинейной беспристрастностью фиксировавших каждое совершенное им преступление. Бежал, а, вернее, исчез он не один. Исчезли сразу пятеро. У тех, кто занимался этим весьма громким в то время ЧП, руководящая и организующая роль Башки в этом исчезновении не вызывала ни малейших сомнений. Почему все-таки исчезновения? Никаких следов побега, кроме самого побега, ни в лагере, ни в его окрестностях, ни тогда, ни много времени спустя так и не обнаружили. И только вот эта, невероятная по масштабам погоня, час за часом приближающаяся к озеру Абада, оказалась первым следом Башки и его товарищей, неизвестно где скрывавшихся после своего исчезновения, неизвестно чем промышлявших и живших. В общем, было слишком много темного и до сих пор неразгаданного в этом исчезновении пятерых человек

из более чем строго охраняемого места заключения и последующего их почти годичного, без всяких следов и слухов, бытия, что для такого количества и качества преступников, каковыми числились бежавшие, было, по мнению специалистов, делом не только неслыханным, но и совершенно невозможным. Предполагали даже их одновременную гибель буквально в первые часы побега, ибо за большее количество времени они обязательно должны были оставить хоть какой-нибудь след.

То, что Башка одного за другим устранял своих поделщиков, никого из преследователей не удивило. С такой безжалостной бандитской методикой они сталкивались неоднократно. Удивляло другое – на что мог надеяться этот волчара, за плечами у которого было, по самым скромным подсчетам, не менее двух пудов золота, оружие, кое-какая еда, да несколько суток почти бессонного, жуткого, до последней степени выматывающего движения по непроходимым топям, заросшим стлаником распадкам, по скользким зыбким осыпям на крутых склонах гольцов. Даже наслышанные о неимоверной силе и выносливости Башки, о звериной злобе, способной удвоить эти силы, с часу на час ждали, что он не выдержит и либо свалится без сил, либо в отчаянии заляжет в последней засаде и будет отстреливаться до последнего патрона. На то, что последнюю пулю он оставит себе, никто не рассчитывал, знали – будет цепляться за жизнь до последнего.

По гулу утюживших взад-вперед места его предполагаемого продвижения вертолетов, по эху выстрелов, которыми давали знать о своем местонахождении поисковики, по все более многочисленным в прежде совершенно безлюдных местах дымам костров, по надсадному реву лодочных моторов на доступных для плавания участках реки, этот опытнейший и по-своему неглупый мужик давно должен был понять, что не только дни, но и часы его сочтены, и надеяться ему не на что. Разве что на чудо. Впрочем, такие, как Башка, в чудеса не верят. Такие надеются только на себя или под угрозой неизбежной расправы вырванную у кого-то помощь. И если он все еще продолжал идти, значит, на что-то надеялся.

Подумали было еще про одного бежавшего с Башкой и до сих пор ничем себя не обнаружившего. Не он ли поджидал в каком-то условленном месте выдыхающегося, обессиленного главаря. Но даже если ждал, то это не могло надолго отсрочить почти неизбежный конец. Кроме того, в личном деле этого пятого значились чуть ли не дебильная пассивность и полная непригодность к таежной жизни. Как он попал в число исчезнувших, да и попал ли вообще, осталось загадкой. Но уж наверняка не поставил бы его Башка на самый ответственный участок своего побега, не доверил бы ему не то что свою жизнь – сухаря заплесневелого не доверил, плевок бы пожалел. В этой версии тоже не сходились концы с концами.

– Наших с поселка, считай, всех на облаву эту кинули, – продолжала рассказ Надежда Степановна. – Кого на вертолетах, кто так подался. Ну а без него, – она кивнула на застывшего в задумчивой неподвижности мужа, – разве что обойдется? В каждую дырку затычка – надо, не надо... Как услышал, так сразу подался. Свистнул Карая, мне даже слова не сказал, и чуть не бегом... Очень он тогда за Арсения Павловича напугался.

Услышав про Арсения, я внутренне вздрогнул. Холодок предчувствия, что вот-вот услышу что-то очень важное для себя, ознобом пробежал по плечам и спине. Недавнего тумана в голове, благодушной расслабленности как не бывало. Я с жадностью вслушивался в каждое слово. И черт тут дернул меня за язык. Желая подчеркнуть свою внимательность, я с деланной заинтересованностью спросил:

– Так у вас все-таки есть собака? – И чуть все не испортил.

Лицо Омельченко передернула болезненная гримаса, а жена его, укоризненно поморщившись в мою сторону, словно не поняв вопроса, спросила:

– Какая собака?

Я понял, что сделал что-то не то, но идти на попятную уже не было смысла.

– Ну, вы сказали «Карая свистнул». А я еще удивлялся

– во всех дворах собаки, а у вас никого. Без собаки какая охота?

Омельченко медленно развернулся ко мне.

– А кто вам, молодой человек, сказал, что я охотой интересуюсь?

Я растерялся. В голосе Омельченко звучала неприкрытая враждебность.

– Не знаю. В тайгу без собаки, по-моему, никак. А Надежда Степановна сказала – «Карая свистнул». Я думал, собака...

– Правильно думал. Только не собака, а кобель. Друг неразменный. Не было лучше его и не будет. А раз не будет, то и не надо больше никого. Ближе не подпущу.

Омельченко отвернулся, но я успел заметить на его глазах слезы. Это окончательно сбило меня с толку.

– А мне собаку нельзя, всех птиц пораспугает, – совсем некстати пробормотал я, не зная, как выкрутиться из создавшегося положения.

Казалось, никогда не кончится наступившая после этих моих слов тишина. Не понимая, что произошло, я тоже растерянно молчал. Из-за разбитого окна, занавешенного тяжелым одеялом, доносились завывания ветра. Было очень поздно. Я невольно посмотрел на часы. Заметив это, Омельченко огромным кулаком вытер слезы сначала на одной, потом на другой щеке и тихо сказал:

– Закругляйся, мать, а то нашего гостя завтра пушками

не разбудишь. Какой ему на самом деле интерес в наших болячках разбираться.

– Да вы что! – я даже привстал со стула. – Вы еще и не сказали ничего! При чем тут Арсений Павлович? Он что, был тогда здесь?

Омельченко с интересом, словно впервые видел, стал рассматривать меня. Потом посмотрел на жену, многозначительно хмыкнул, неловко придвинул к себе графин с остатками настойки, вылил их в свой стакан, залпом выпил и, задохнувшись, затряс головой. Только сейчас я заметил, что он крепко пьян и ждать от него в таком состоянии связного продолжения дело, кажется, безнадежное.

– Все, – сказал он, сам признаваясь в этом. – С меня теперь толку, как подарков с волка. Отваливаю на боковую. А ты, Надеха, с ним осторожней. То ли правда дурак, то ли прикидывается.

Он вдруг рывком, одной рукой обнял меня, прижал к себе с какой-то невероятной пьяной силой – мне даже стало трудно дышать – и тихо, на самое ухо прошептал: – Думаешь, поверю, что Арсений тебе ни-ни? И про Ольгу? И про то, что Карай ему тогда жизнь, считай, спас? Чего ж он тогда тебя на Глухую выпнул? Теперь тут за тобой сотни глаз... Понял? Башку-то на Глухой нашли. На Глухой, на Глухой. Не знал, да? Вот и шевели теперь своими научными мозгами, стоит тебе туда подаваться или как? А я – баиньки.

Опираясь на меня, он с трудом поднялся. В это время в

сенях стукнула дверь, звякнул закрываемый засов, скрипнула вторая дверь, и вошедшая женщина снова ошеломила меня своей хрупкой красотой.

«Ерунда какая-то... Не должна здесь оказаться такая женщина, – подумалось мне. – Какая-то ошибка... Чья ошибка?»

– Я, Ирина Александровна, все, готов! – громко провозгласил Омельченко. – Ни для научных исследований, ни для научных разговоров не пригоден. Чем в настоящий момент доволен и прошу недобрым словом не поминать. Пусть вас теперь научный сотрудник развлекает. Или вы его. Как договоритесь. Все, все, все, пропадаю...

С нарочитой, но вполне правдоподобной неловкостью, он боком, боком протопал мимо улыбающейся Ирины, толкнул дверь в спальню и, чуть не сорвав дверную занавеску, исчез в темноте. Слышно было, как тяжело скрипнула кровать, и в доме стало невыносимо тихо. На этот раз даже ветра не было слышно, словно и он замер в ожидании, кто из нас первый шевельнется, скажет слово. На ее месте я бы не выдержал и секунды подобной неподвижности. А она как ни в чем не бывало стояла, улыбалась и словно выжидала, кто из нас первый не выдержит. Первым не выдержал я.

– Вы, кажется, умеете разгадывать чужие мысли?

Мне самому показался неуместным тон моего вопроса, но меня уже понесло.

– Как меня зовут, вы уже отгадали. Может быть, отгадаете,

чего мне сейчас больше всего хочется?

Лицо ее стало серьезным. Она внимательно посмотрела на меня и кивнула:

– Если вы немного подождете. Я переоденусь и приведу себя в порядок.

Она скрылась в комнате, которая предназначалась для моего ночлега. Я повернулся к хозяйке. Без Омельченко я чувствовал себя гораздо увереннее.

– Надежда Степановна, я не понял. Мы что там, с ней вместе будем?

Жена Омельченко неожиданно рассмеялась.

– Испугался?

– Не испугался, но определиться не помешает. Еще подумает чего-нибудь.

Хозяйка продолжала смеяться.

– Она-то не подумает, а ты, гляжу, извелся уже.

– Ничего не извелся, просто странно несколько.

– А ты у нее спроси: вместе или по отдельности проживать будете? Мне самой интересно, какой она тебе ответ даст.

Я понял, что надо мной смеются, и обиженно замолчал.

Она так стремительно вышла к нам, что я невольно вздрогнул. На ней было сверкающее просторное платье, густые светлые влажные волосы тяжело падали на плечи. Подойдя ко мне вплотную, она подняла обнаженные руки. Ладони почти касались моих висков. От неожиданности я замер. Теплый, влажный, нежный запах ее тела и каких-то

очень тонких духов совершенно перебил острые, назойливые запахи стола, догорающих в печи дров и даже запахи трав, которыми был насквозь пропитан этот дом. Забыв обо всем, я до головокружения вдруг захотел притянуть ее к себе и уткнуться лицом в завораживающе сверкающее платье.

– Спокойно, спокойно, – быстро и тихо сказала она и, отступив на шаг, бесшумно опустилась на стул Омельченко.

– У вас сейчас, Леша, такая каша в голове, что все мои усилия будут абсолютно безнадежными. К тому же, я была, кажется, неосторожна.

– Да уж, – пробормотал я, облизав пересохшие губы.

– Меня удивляет другое, – быстро сказала она. – Вы, оказывается, совершенно трезвый. Не пьете?

– Это он от тебя протрезвел. Пил наравне с моим, а моего так просто с ног не собьешь. Действуешь ты, Ирина, на мужиков, как электричество.

– Значит, отгадывание мыслей откладывается? – поспешил я перебить не очень приятный для себя разговор.

– Обстоятельства благоприятные, но вы не в форме. Слишком много впечатлений. Не можете сосредоточиться. Что-то вас очень сильно взволновало. Кажется, беспокоит какой-то человек. Не можете понять его. Правильно?

– Всегда есть человек, которого не можешь понять, – не сдавался я. – Для волнений тоже поводов достаточно.

– Да я тебе без всякого угадывания скажу, о чем он сейчас больше всего беспокоится, – снова засмеялась хозяйка. – В

одной комнате ты с ним ночевать будешь или мы его на сеновал определим, подальше от соблазна?

– Ой, Леша, ради бога, не беспокойтесь. Я думала, вам все рассказали. Совершенно не могу спать в тепле и духоте. Напросилась в летник. Вы, наверное, не заметили – там, через комнату, вторые сени и летник.

Чувствуя себя полным дураком, я пожал плечами.

– Действительно, не заметил. Странные у вас привычки.

– Неважные у меня привычки, – глядя в сторону, сказала она. – Вас не было, я проснулась, выхожу – чьи-то вещи, куртка. Должен был приехать один человек. Я подумала – может, он? Посмотрела документы – увидела вашу фамилию, фотографию. Растерялась. Нехорошо получилось, вдруг увидит кто-нибудь?

Она внимательно посмотрела на меня. Я отвел глаза.

– Почему-то мне показалось знакомым ваше лицо. Говорят, это бывает, когда предчувствуешь, что человек сыграет важную роль в твоей жизни. Так что приготовьтесь, вы уже вошли в мою жизнь.

Что-то словно подтолкнуло меня. Хотел промолчать, но не смог.

– А вы в мою. И, кажется, не только в мою. Говорят, вы очень похожи на Ольгу...

Она так резко встала, что я отшатнулся. Как-то брезгливо, как мне показалось, обошла меня и исчезла. Ни звука шагов, ни скрипа, ни стука закрываемой двери. Словно раствори-

лась в полутемном пространстве большого незнакомого дома.

– Зря ты это, – недовольно сказала хозяйка. – Если вправду ничего не знаешь, молчи, слушай, что другие говорят. А знаешь и утерпеть не мог, лишь бы её зацепить, тогда не знаю... Может, у вас так принято... Я-то, дура, подумала, не из таких ты. Петру еще попеняла, что мудрит на пустом месте.

– Да что знаю-то, что знаю?! – чуть заорал я. – Тычусь, как щенок, в ваших проблемах, недомолвках. Не знаю я ни черта! Не знаю! Как с собакой. Вы сказали, я повторил. Про Ольгу ваш муж сказал, я про нее и понятия не имел. Только и сказал, что похожа. Не понимаю, что здесь обидного?

– Обидного ничего, – не сразу сказала Надежда Степановна. – Не в обиде дело.

– А в чем? – спросил я и оглянулся на дверь, за которой скрылась Ирина.

– Так если бы знать, – с какой-то безнадежной тоской сказала моя собеседница и тоже посмотрела на дверь. – Вылитая. И волосы, и глаза, и голос. Фигурой, разве, та покрупнее, и то сейчас сомневаюсь. Я так думаю, – заговорила она шепотом, – родственница ее какая-нибудь. Может, и сестра, как мой толдычит. Так ведь не говорит ничего, не признается. И фамилия другая, и отчество. Вот и думай, что хочешь. Конечно, если бы Арсений Павлович объявился, тогда другое дело. Мы ведь его ждали. И она, как я примечаю, ждала.

– А при чем тут вообще Арсений Павлович? – устало про-
бормотал я, отчаявшись в чем-либо разобраться.

– Так ведь он... она... Ольга то есть... Правда, что ль, не
знаешь?

Очевидно, выражение моего лица окончательно убедило
хозяйку, что все сказанное ею полнейшая и ошеломляющая
для меня неожиданность.

– Еле его тогда в чувство привели. Думали, руки на себя
наложит. Хорошо, что совсем без сил был. Может, тогда и
началась у него эта болезнь поганая? Говорят, с тоски она
начинается. Когда человек жить не хочет.

Потрясенный, я молчал. Неожиданно подумалось, что
мне иногда все-таки приходило в голову – ничего я не знаю
о своем любимом начальнике орнитологической лаборатор-
рии. Я всегда отмахивался от этих мыслей, приписывая их
слишком очевидной незаурядности этого человека и свое-
му слишком короткому с ним знакомству. Надеялся, что ко-
гда-нибудь узнаю его лучше. И вот теперь, кажется, начинаю
кое-что узнавать. Пока только кое-что. Зато какое! Впрочем,
внимательнейшим образом вслушиваясь в каждое слово рас-
сказа Надежды Степановны, я почему-то думал, что всего я
так никогда и не узнаю. В том, что мне открывалось в эти
минуты, было гораздо больше непонятого и необъяснимо-
го, чем если бы я вообще не знал ничегошеньки. И самой
необъяснимой во всем этом была Ольга.

В поселке она появилась вместе с Арсением два года назад, в начале того самого проклятого лета. Птицын, который заранее был извещен о прилете Арсения и необходимости сопровождать его до озера Абада и уже загрузивший под завязку лодку, в которой едва осталось место для двоих, был неприятно поражен появлением веселой, энергичной и очень красивой женщины, которая выглядела в этих местах, по его выражению, «как бантик на мушке», и сгоряча, несмотря на свое благоговение перед Арсением, чуть вовсе не отказался от этого, давно подготавливаемого нелегкого путешествия. А тут еще зарядивший без передышки дождь со снегом, черная, ошалевшая от половодья река, смывающая с островов и низких берегов весь накопившийся за несколько лет мусор. Стремительная, взъерошенная, страшная вода несла грязь и вырванные с корнем деревья.

– Мы сошли с ума, – улыбаясь, сказала женщина. – Нас перевернет на первом же перекате.

– Может, переждете, пока распогодится? – с плохо скрытой надеждой спросил Птицын. – А мы с Арсением Павловичем двинем осторожненько. Пока доберемся, пока то, другое, а там и вы подгадаете. Лодке троих все одно не потянуть.

Женщина внимательно посмотрела на Птицына, потом повернулась к Арсению.

– Видишь, Сергей тоже не хочет, чтобы я ехала с тобой. И погода против, и река. Может, все-таки не судьба?

– А ты и не поедешь со мной, – решительно сказал Арсений. – Поедешь с ним. Лучше него никто этой реки не знает. Доставит, как пушинку.

– А ты? – встревоженно нахмурилась женщина. – Я тебя не понимаю... Будешь ждать вертолет?

– Буду ждать вас.

– Что ты имеешь в виду?

– Я тут сговорился... Сторож с базы дает на неделю «казанку». Налегке обгоняю вас и жду. Сергей потом угонит «казанку» обратно. За это я починил старику телевизор и собрал старый мотор. Все довольны, все счастливы.

– Вот где ты пропадал вчера весь день. А я на тебя обиделась.

– Не дело это, Арсений Павлович, – проворчал Птицын. – Вас на шивере, как пить дать, замотает. «Казанка» волну рубит. Зароется носом – и хана.

Женщина снова встревоженно нахмурилась и, ничего не сказав, внимательно посмотрела на Арсения.

– Ты мне веришь? – спросил тот и улыбнулся.

Порыв мокрого ветра хлестнул по лицам и, вывернув наизнанку росшие неподалеку кусты, помчался наперерез течению к далекому правому берегу.

– След ветра на воде... – непонятно и грустно сказала она и отвернулась. Потом тихо добавила: – Я стала верить пред-

чувствиям. Это не к добру.

– Что же ты предчувствуешь? – все еще улыбался Арсений.

– То, о чем я думаю, почему-то не имеет продолжения, – с испугавшей Птицына тоской сказала она и надолго замолчала.

Птицын помнил каждое слово этого разговора и не раз потом говорил, что если бы они послушали тогда его, а не Арсения, все сложилось бы иначе. А в разговорах с людьми, которым безоговорочно доверял, добавлял, что и сам он почувствовал в те минуты отчетливую тень непонятной страшной беды, которая вплотную подобралась к стоявшим рядом с ним людям.

– Правильно она соображала: какое продолжение при таком раскладе? Еле докултыхались. Не лето, а сплошная катастрофа природы. Всемирный потоп подобным образом должен начинаться. Дождь со снегом с утра до ночи, зверь ушел, в тайге воды по колена, река не шумит даже, а воет, как падла какая... А у них в полном противоречии с происходящим – любовь. Ну какая, подумай, любовь в таких условиях? Палатка, нары, дым от сырых дров день и ночь. Тут люби, не люби, через неделю не хуже моей дурной сучонки взвоешь. Была у меня лайка... Посмотрел я на них, посмотрел, да и говорю сам себе: «Он-то ладно, ко всему привычный, а вот если эта московская дамочка хотя бы с полмесяца выдержит, не сорвется, в голос не заголосит, может, и сложится у них

это дело».

– А они? – не выдержав, спросил я Птицына, когда он рассказывал мне об этом.

– Они? – переспросил тот, и его лицо сначала застыло, а потом исказилось болезненной гримасой. – Чего они тогда понимали? Кроме друг дружки ничего. Может, потому и случилось все. Конечно потому. В жизни, когда по сторонам не глядишь, концовка, как при автомобильной катастрофе. Чем больше скорость, тем тяжелее последствия.

Птицын и недели не пробыл с ними. Помог на первых порах устроиться. Спилили с Арсением несколько лиственниц для более основательного жилища, разнесли и установили по маршрутам приборы. Постепенно предубеждение Птицына против совершенно неуместной в этих местах и в этих условиях женщины проходило. Она ни разу ни на что не пожаловалась, всегда была чем-то занята, по тайге ходила легко и бесшумно, что не всегда удается даже опытному таежнику. Еда на маленькой печурке в палатке всегда устраивалась без особых хлопот и суеты, как всегда бывает у хороших хозяек. Даже обычный суп из консервов получался у нее по-особому вкусным, а процесс принятия пищи неожиданно превратился в ритуал приобщения к чему-то почти домашнему, во что трудно было поверить, сидя на наспах сколоченных нарах и прислушиваясь к шуму дождя, скрипу и шороху ветвей, гулу все более и более сатанеющей реки. Птиц в то лето не было слышно, потому что почти не выпадало дней не то

чтобы солнечных и теплых, а просто хотя бы притихших, не пропитанных насквозь моросью или проливными дождями. Лишь изредка с хриплым карканьем тяжело летел через реку ворон, да в редкие безветренные часы простуженно верещала в кустах стланика кедровка, негодующая не то на погоду, не то на торчащую из палатки и нещадно дымившую трубу.

С какой-то пугающей меня отчетливостью, вплоть до запахов и красок, я представил себе эти несколько дней, которые пробыл с Арсением и его таинственной спутницей Сергей Птицын, вплоть до того, как, наверное, неловко и неуютно было им забираться в отсыревшие холодные спальные мешки и подолгу лежать без сна, прислушиваясь к монотонному шуму и стону непогоды, потрескиванию дотлевающих углей в печурке и сдерживаемому дыханию друг друга. Но стоило мне попытаться представить себе дни, когда они наконец остались вдвоем, у меня ничего не получилось. Воображения хватило лишь на мечущиеся отблески догорающего огня, чуть освещающие лица, и в этом тревожном погасающем свете женщина в серебристо-сером платье медленно приподнимала тяжелую мокрую полу палатки и, шагнув вперед, навсегда исчезала в беспросветном, холодном, задыхающемся от ветра пространстве ночи...

– Мой ведь как? – тихим монотонным голосом рассказывала хозяйка. – Что поперек или другим не под силу, обязательно на рожон поперет. Так и тут – побежал напрямки помощь оказывать. Будто бы без него не обошлись. Сколь на-

роду на ноги подняли – подумать страшно.

– Сразу на Глухую, к Арсению? – спросил я.

Этот, казалось бы, совсем простой вопрос подействовал на хозяйку самым неожиданным образом. Она замолчала и, похоже, решила не продолжать свой рассказ. А мне всего-навсего хотелось уточнить, почему именно к Арсению решил поспешить на помощь Омельченко? И хотя моя твердая уверенность во всемогуществе Арсения была уже слегка поколеблена невнятно тягостными намеками на случившуюся трагедию, я, тем не менее, все еще был совершенно уверен, что уж кто-кто, а Арсений способен найти выход из самого безвыходного положения, и помощь Омельченко вряд ли была так ему необходима. По моему разумению, и Омельченко, хорошо зная моего шефа, должен был рассуждать примерно так же, и поэтому я невольно высказал свое сомнение.

Молчание, казалось, никогда не кончится, и я уже хотел встать, извиниться за доставленные хлопоты и глупые вопросы, но Надежда Степановна, очевидно, что-то решив для себя, очень тихо, почти шепотом сказала:

– Так разве угадаешь... Покойников одних целый вертолет доставили. Когда у нас еще такое бывало? Места у нас, конечно, серьезные, но чтобы так-то... Ну, мой и вздернулся. Я, говорит, сам разберусь, что тут к чему. Считал, что пришлому человеку без помощи или без подсказа в местах здешних ни в жизнь не разобраться. Кто-то свой их наводил – в этом даже сомнения не было.

– А этого так и не поймали? Башку.

– Считай, поймали, да толку-то...

– Как это?

– Так. В том же самом виде и поймали, как дружков его.

– В каком виде? – все еще не понимал я.

– В каком, в каком... В каком побросал их, когда не нужны стали. Только он их в спину, а его спереди приложили. От башки у этого самого Башки и половины, сказывали, не осталось. Так что, кто помогал, кто его самого, поди теперь, разбирайся. Кто только голову не ломал, чего только не придумывали и не выдумывали, все без толку. До сей поры ночь темная. Разве теперь что стронется.

– Почему вы так считаете?

– Тебя вот принесло. Тебе что, во всей тайге места больше не нашлось?

– Да я и понятия не имел.

– Ты, может, и не имел, а кто-то другой имел.

– Меня все в один голос отговаривали. И до сих пор отговаривают.

– Арсений, что ль, отговаривал?

– Больше всех.

– Тогда и вовсе концы не свести.

– Какие концы? Вы хоть дорасскажите, что и как.

– Рассказывай, не рассказывай... Я ж говорю – ниточки ухватиться не сыскали.

– Значит, кто-то поумней всех оказался?

– Выходит, так. Ладно, спи давай, давно пора. А то и я с тобой как девка молоденькая засиделась. Петухи скоро запоют.

– Какие петухи?

– Это я так. За полночь уже перевалило. Мы здесь рано укладываемся, к таким посиделкам непривычные.

– А Ольга? Что у них там случилось? Я хоть и не знаю ничего, но вывод сам напрашивается. Если с ней что-то, то Башку только Арсений. Ее что, убили?

И снова безмолвное пространство надвинулось на нас из глубины спящего дома – ни шороха, ни скрипа, ни дыхания. Сначала мне, правда, показалось, что слышно, как снег хлесткими огромными хлопьями бьет в окна и стены, но прислушался и понял – не то чтобы снега, ветра не слышно. Все замерло вокруг, все было неподвижным и почти нереальным в этом безмолвии и неподвижности.

– Может, убили, а может, и не убили, – вдруг совершенно спокойно сказала Надежда Степановна и тяжело поднялась из-за стола. – Кроме бандюги этого ничего больше не отыскали. Рядом с палаткой самой лежал. А ни ее, ни золота, которое он тащил на себе от самого того проклятого ручья, ни слушинки, ни дышинки. Словно и не было ничего. Как Серега Птицын говорит – «до сих пор покрыто мраком неизвестности». Правильно Петр сказал: нечего тебе там гоняться. От греха подальше.

– Не понимаю, Арсений где был, когда все это произо-

шло?

– С ним тоже крутили-вертели, – остановившись перед дверью в спальню, с какой-то покорной усталостью ответила хозяйка. – Каждый его шаг с рулеткой обмеряли. Да только ничего у них не сложилось. И за два дня не успеть с того места, где его отыскивали. Мой-то в самых главных свидетелях оказался. Он Арсения Павловича за вторым перевалом отыскал. Карай отыскал.

– Ничего не понимаю. Как он там оказался?

– К старателям за помощью подался.

– Арсений? За помощью? Он сам кому хочешь поможет. За какой помощью?

– Лодку у них унесло. Берег подмыло, что ли? В общем – унесло. А без лодки оттуда пустое дело выбираться. А она ногу еще повредила. С больной ногой разве по горам двинешься? Осыпь на осыпи. После таких дождей и вовсе полное самоубийство. Даже для здорового. Так и получилось. Если бы не мой, кто его знает, как сложилось. С того свету на себе доставил.

Услышанное ошеломило меня.

– К каким он старателям пошел? К тем?

– К тем. К покойникам. Ладно, а ты мы с тобой до утра не переговорим. Об этом только начни.

Она откинула занавеску.

– Подождите! – чуть не закричал я. – А она? Ольга?

– Я ж тебе сказала – ни ее, ни золота. Ни следов никаких.

Такой снег тогда поднялся, не хуже, чем сейчас. И время почти то же самое. Через неделю годовщина.

– Так может... она?

– С больной-то ногой? И золотишко – не то что унести, не поднять с бабьими силами. Один этот душегуб и мог его снести. На злобе на одной. – И уже из-за занавески, из темноты добавила: – Да и ружья у нее никакого не было, с лодкой унесло. Лодку-то потом сыскали. А ему жаканом промеж глаз. С близкого расстояния. Бабе такого не сладить. Никакие нервы не выдержат. Он же ужас какой страхолюдный был, Башка этот. Сказывали, увидишь – сомлеешь. Под два метра, да еще горелый весь. В лагере мужики живьем сжечь хотели, а он стену проломил – и в снег. Зверь, а не человек. Хотя чего зверей понапрасну хаять...

И еще неразборчиво пробормотав что-то, она замолчала.

* * *

В эту ночь я долго не мог заснуть. Голова раскалывалась от боли. Я ворочался с боку на бок в жаркой, непривычно мягкой постели, придумывал самые невероятные разгадки случившейся несколько лет назад таинственной трагедии, пытался вообразить какие-то продолжения и бог знает какие приключения, ничем, впрочем, не кончавшиеся, поскольку ни одного вразумительного конца я так и не смог придумать. Провалившееся наконец-то в сонное забытие сознание вдруг

с пугающей реальностью высветило фигуру убегающего, то и дело оглядывающегося Башки, изуродованное лицо которого, несмотря на то что я никогда его не видел, представилось мне отчетливо и ярко, до малейшей детали, до страшных, выцветших, почти белых глаз, насмешливо щурящихся на меня и подмигивающих: – что, мол, отстаешь, фразер, – догоняй, спеши! Потом увиделась стремительная, черная, взбудораженная река, которая самой серединой ревущего переката, зажатого голыми нависающими скалами, несла беспомощную с заглушим мотором лодку, в которой оцепенел неразличимый и в то же время до боли знакомый человек. Лодка то терялась среди бурунов, то в смертельном единоборстве с водоворотом проносилась вплотную к мокрым скользким камням, задевая их гулким дюралевым бортом...

Скрежещущий звук разбудил меня. Я приподнял голову. Память еще отчетливо хранила недавний сон, и я не сразу понял, где нахожусь: темнота, незнакомые неразборчивые массы вещей, незнакомые запахи. Повернулся к окну – его смутный прямоугольник сразу определил мое местонахождение в непонятном со сна пространстве. Не отводя от него глаз, я опустил голову на подушку и уже почти засыпая разглядел легкую фигурку, бесшумно скользнувшую через прямоугольник и растворившуюся в темноте, в той стороне, где была дверь в соседнюю комнату. Решив дождаться возвращения ночной путешественницы, я устроился поудобнее, чтобы неловким движением не выдать свое бодрствование,

уоставился на окно, за которым по-прежнему в полную силу хозяйничали снег и ветер, и... через несколько минут заснул. Уже во сне ко мне вплотную подошла незнакомая женщина и, обжигая теплым дыханием, долго и пристально смотрела в глаза. Я протянул руки, но вместо живого горячего тела они прикоснулись к чему-то вязкому и холодному. Попытался их отдернуть, но руки, стиснутые непонятной силой, было не пошевелить. Сзади кто-то дурашливо хохотал, больно, но якобы дружески бил по спине. С трудом поворачивая голову, я видел то Арсения, то Омельченко, то ухмыляющиеся рожи бичей, а насмешливый голос Черепкова назойливо втолковывал мне, что я самый элементарный дурак из типичных младших научных сотрудников, которых все, кому не лень, используют в своих личных корыстных интересах. И поскольку это явление закономерное и в научных кругах никем не оспариваемое, мне остается только смириться с обстоятельствами и немедленно написать на его имя докладную, объяснить, почему я до сих пор не приступил к выполнению задания командировки, почему до сих пор не связался с Птицыным...

– Птицыным... Птицын, Птицын... – слышалось сквозь сон.

Я с трудом раскрыл глаза.

В комнате было почти светло.

– Что ты мне все – Птицын, Птицын, – раздавался из соседней комнаты голос Омельченко. – Надо было твоему Пти-

цыну, нарисовался бы чуть свет. А то до сих пор носа не кажет, полдень уже на дворе.

Я с ужасом потянулся за часами. Полдень не полдень, но десять уже почти набежало. Стараясь не шуметь, я стал то-ропливо одеваться. Надежда Степановна заглянула в комнату в самый неподходящий момент, когда я, прыгая на одной ноге, другой старался попасть в штанину.

– Встал, – громко объявила она, и в комнату, словно дожидался, сразу вошел Омельченко. Не обращая на мое смущение ни малейшего внимания, он дружески хлопнул меня по спине, да так, что я со всего размаху снова плюхнулся на кровать. После чего объявил: – Счастлив твой бог, Алексей. Нашел я тебе кадру. Не то чтобы на все сто, но на подсобную работенку сгодится. Я насколько понял, ты в нем не шибко и нуждаешься – подсобить чего мало-мало и все дела. Так?

– Так, – ошарашенно кивнул я, еще не осмыслив до конца радостную для себя новость.

– Согласился на все условия. Да и погодка вроде утихомиривается, – продолжал грохотать хозяин. – И снегу помене, и ветер пожиже. Глядишь, денек-другой – и полные ладошки. Ты как насчет ландариков, а? Баба у меня полный таз напекла. Морду споласкивай и к нам, хватит дрыхнуть. Я тебя жалеючи не будил. Перебрали мы с тобой вчера, ничего не скажешь, было дело, которое мы для ясности замнем и забудем. Давай, давай, кадра уже сидит, дожидается, снег копытом роет, на аван надеется. Ты ему все сразу-то не да-

вай, помаленьку, пока в норму войдет. Как оклемается полностью, тогда и договоритесь.

– Мне теперь вам только в ножки бухнуться остается за все, что вы для меня сделали, – сказал я и, упав на колени, коснулся лбом медвежьей шкуры у самых ног Омельченко.

Настроение у меня было прекрасное, Омельченко хохотал и еще раз двинул меня по спине, в доме вкусно пахло чем-то печеным и жареным, все таинственное и непонятное до поры до времени отодвинулось в небытие. Умываясь, я думал о том, как мне повезло, что меня встретил Омельченко. Все складывается наилучшим образом. Остается только дождаться, когда утихомирится ветер.

Я вышел в прихожую и остановился в недоумении. За столом сидел Рыжий из вчерашней компании бичей под аэрофлотовской лестницей. Как ни в чем не бывало он пялился на меня и щерил в улыбке острые зубы. Под левым глазом у него красовался солидный синяк, которого вчера, по-моему, не наблюдалось.

– Чего стал? Проходи, – позвал Омельченко. – Знакомить не буду, сами разберетесь, что к чему. Мое дело собачье: нашел, привел, просьбу удовлетворил. Так или не так? – спросил он почему-то Рыжего, а не меня.

– Я объяснял вам, Петр Семенович, у научного сотрудника сомнения будут. Мы вчера беседу на эту тему проводили, можно сказать, безрезультатно.

– Так вы ее без меня проводили. Со мной – совсем дру-

гое дело. Побеседовали и договорились. Ты, Валентин Батькович, не жмись, выкладывай все как есть. Тогда и доверие появится.

– А чего выкладывать? Вон у меня весь выкладон под глазом нарисован.

– За что? – сделал вид, что удивился, Омельченко.

– За то, что согласился помочь молодому перспективному ученому. Соответственно отоварили.

– А сказал, что по моей просьбе?

– Сказал, да только поздно. Сначала отоварили, потом расспрашивать стали.

– Ну и...?

– Ну и – пнули. Катись, говорят, защищай диссертацию. А мне что? Они сейчас в городе в кабак запузырятся, а на мои башли вся гулянка два раза до магазина и обратно. А тут, глядишь, перебыюсь худо-бедно месячишко-другой. Потом весна, потом лето – и все дела.

– В каком смысле – «все»?

– Все по-новой. Нам как у Кибальчиша – ночь простоять да день продержаться. А что дальше будет, Бог да прокурор рассудят.

– Легкий ты человек, – неодобрительно сказал Омельченко. – Да мне-то что: детей не крестить. Поможешь парню, и то ладно.

– Больно место он серьезное для своих научных наблюдений определил. Сам-то он в курсе? – спросил Рыжий Омель-

ченко, словно меня не было рядом.

– Теперь в курсе. Им там по плану положено. Вот и выпнули новичка. До меня только одно категорически не доходит – почему тебе Арсений Павлович ни словечка? Мог бы прояснить обстановку.

Откровенно говоря, этот же самый вопрос мучил меня с той самой минуты, как я узнал про трагедию на Глухой. Объяснения этому я до сих пор так и не отыскал, но сейчас, не задумываясь, решил защищать и Арсения, и себя, поскольку недоверие к Арсению переходило на меня чуть ли не автоматически.

– Во-первых, когда эта экспедиция затевалась, Арсений Павлович собирался в нее вместе со мной. Наверняка рассказал бы все, если бы не заболел. Я-то не знал сначала, что он заболел, думал... В общем, всякую ерунду думал, не разговаривал с ним. Это уже во-вторых, почему он не сказал. В-третьих, как умный человек, он прекрасно понимал, что мне все равно все изложат. В институте почему-то не изложили. В-четвертых, кажется, он был уверен, на Глухую мне не попасть, «дохлое дело», как он говорил. В-пятых, как я понимаю, все это для него глубоко личное. Надежда Степановна правильно сказала – скорее всего, болезнь его с этого самого и началась. В-шестых...

– Закругляйся, – сказал Омельченко. – Все ясно. Тебе самому-то как? Не расхотелось после всего, что узнал?

– Мое дело – пернатые, – твердо заявил я. – Ни золотиш-

ком, ни прошлой уголовщиной не интересуюсь. Мне только неприятно, что вы ко мне из-за всех этих дел относитесь как черт знает к кому. А это работе мешает. Или может помешать. Чего, например, твои кореша вчера на меня окрысились? – обратился я к вздрогнувшему от неожиданности Рыжему. – Им-то чем я мог помешать? Какое им дело, где я буду работать?

– Так они это самое... – заволновался Рыжий. – Думали, по-новой все начинается. Их тогда, знаешь, сколько туда-сюда таскали?

– За что их могли таскать, если они ни при чем?

– Ну, Алексей, когда сеть заводят, не спрашивают, карась ты, щука или нельма. Всех подчистую гребут, – вмешался Омельченко. – Потом уже разбирать начинают, кого обратно в реку, а кого на засол или в уху. Ладно, давайте чай пить, а то Надеждины ландорики остынут.

Мне показалось, что разговор принял неприятный для него оборот, и он хочет прекратить его.

– Похмельем не маешься? Может, по стопарику? – спросил он меня.

– За знакомство, – сразу повеселел Рыжий.

Неожиданное его решение прийти на помощь «молодому перспективному ученому» не только озадачило, но и насторожило меня. Пожалуй, не стоило торопиться с радостным согласием образовать вместе с ним маленький дружный коллектив.

– А что вы про Птицына тут говорили? – неожиданно для своих собеседников переменял я тему разговора. – Проснулся, слышу – Птицын, Птицын. Странно, что он до сих пор не пришел. Арсений Павлович говорил, что он обязательно должен встретить. Не исключался вариант, что он со мной согласится на Глухую...

– Вот и я говорю, – появилась на пороге комнаты хлопотавшая на кухне хозяйка. – Один молодой, несмышленный, другой алкаш – долго ли до беды. А говорить потом на тебя будут. Мало, что ль, собак повешали? А Сергей человек надежный...

– Где он твой надежный, где? – взорвался Омельченко. – Я чуть свет – к нему. Дом на замке. Что, я за ним гоняться должен? Мало ли куда он намылился!

– Я его попросила на прииск съездить, – неожиданно вмешалась в разговор бесшумно появившаяся в комнате Ирина. И снова при виде ее у меня перехватило дыхание. Могло ли мне еще сутки назад прийти в голову, что у черта на куличках, на самом краю света встречу женщину, при первом взгляде на которую позабуду и свои зароки, и смертельную обиду на все без исключения существа противоположного пола. Правда, мой первый взгляд на нее совсем не сулил романтических мечтаний и беспокойных снов. Хотя сердце у меня все-таки упало, когда она выудила из куртки бумажник. Но, в конце концов, все разъяснилось. А я... Вел себя вчера – хуже не придумаешь. Надо бы теперь извиниться.

Обязательно надо, а то она меня так и будет считать дураком и дубиной. Некстати вспомнив правила хорошего тона, я торопливо вскочил, как и полагается при появлении дамы, раскрыл рот, чтобы произнести что-нибудь вежливое, и неожиданно для самого себя брякнул: – Зачем?

Она насмешливо глянула на меня и как ни в чем не бывало объяснила:

– Говорят, туда абрикосовый компот завезли. Обожаю абрикосовый компот. Сережа обещал, что привезет целый ящик. Мне одной много, могу поделиться.

По-моему, даже Рыжий сообразил, что надо мной издеваются, и снова ощерил свои острые зубы. Что-то чересчур веселое у него настроение. Можно подумать, что заранее не принимает всерьез наших будущих отношений начальника и подчиненного. При случае надо будет поставить его на место. Говорят, если этого не сделать сразу, то потом подобные типы на шею садятся и толку с них в этом случае как с козла молока.

Несмотря на то что по первому ее слову я уже готов был и в огонь, и в воду, сдаваться без сопротивления, тем не менее, не собирался. Тоже мне, таинственная незнакомка, угадывающая чужие мысли! Интересно, милая моя, куда ты ночью шастала? Уж не поручение ли Птицыну насчет компота давала? Вслух же я сказал, с неприязнью глядя на Рыжего:

– Арсений Павлович рассказывал, что Птицын пишет неплохие стихи. Теперь у него будет повод написать сонет

об абрикосовом компоте для прекрасной дамы. Игорь Северянин писал об ананасах в шампанском, Сергей Птицын напишет...

– Почему вы все время стараетесь казаться хуже, чем вы есть? – быстро спросила она, не дав мне закончить фразу. – Имейте в виду, что это совершенно детский комплекс, от которого вам давно пора избавиться. Я не виновата, что вам не повезло с вашей девушкой. В конце концов, не все такие, как она. Бывают лучше, бывают хуже.

Давно мне так не врезали. Главное, безошибочно. Показалось даже, что пол покачнулся – я невольно переступил с ноги на ногу. Рыжий, от которого я не отводил взгляда, испуганно поежился, искоса быстро глянув на меня. Незнакомым самому себе голосом я спросил:

– Вы, конечно, лучше?

– Я другая, Лешенька. Не пытайтесь меня классифицировать или как-то там по-своему определять. Я совершенно другая. Поскольку обстоятельства свели нас, примиритесь с этим и примите как должное. Иначе никакой дружбы у нас не получится.

Я хотел спросить – не смешно ли говорить о дружбе, когда мы видимся, можно считать, в первый и в последний раз? Мне завтра на Глухую, ей... Куда ей, я не знал, но что явно не по пути со мной ни завтра, ни во все последующие дни, было совершенно очевидно. В это время в сенях что-то упало, загремело, дверь без стука распахнулась, и в комнату вва-

лился Сергей Птицын. Как ни странно, но я сразу догадался, что это он. Маленькая, щуплая, почти мальчишеская фигура, ярко-голубые в сетке ранних морщин глаза, неожиданные рыжеватые усы, большие залысины, открывавшие выпуклый лоб. В общем, не смахивал он ни на опытного таежника, ни на бесстрашного егеря. Аспирант, технарь при лаборатории, программист, музыкант, поэт – все, как говорится, из области творчески-интеллектуальной. То, что Птицын писал стихи и даже выпустил два сборника, заранее вызывало во мне почтительно-настороженное к нему отношение. А то, что о нем даже Арсений с уважением отзывался как о незаурядном следопыте, ходоке и охотнике, делало его для меня и во все непонятным. В общем, если бы он и согласился тогда со мной на Глухую, я сделал бы все, чтобы он от этого согласия отказался. И ни за что не поверил, если бы мне сказали, что довольно скоро мы станем друзьями.

Птицын внимательно оглядел всех нас, подошел к столу и тихо сказал:

– Хлесткина убили. – Потом подошел ко мне, протянул руку: – Птицын, Сергей. Извини, что не встретил. Пришлось срочно на прииск.

– Господи! – охнула Надежда Степановна, прикрыв рукой рот, словно сдерживая крик.

– Как убили? Когда? Где? – задавал вопрос за вопросом Омельченко.

Рыжий с испугом уставился на него и, отодвигая стул, стал

медленно подниматься.

– Застрелили. Через окно. Соседи утром смотрят – свет горит, стекла нет, в комнату снега намело, сам лежит головой на столе. Как сидел, так и остался. А под головой заявление.

– Какое заявление? – Голос у Омельченко сорвался.

– Заявление, Петр Семенович, на тебя. Но не в этом дело...

– Ну? – после затянувшейся паузы спросил Омельченко. – Он с этим заявлением давно уже обещался. Надумал, что я его зимовьюшки повзрывал. Больше мне делать нечего. Я в тайге уже и не помню когда был. Он хоть и покойник теперь, если не врешь, а все равно дурак. Мало ли что ему в голову взбредет.

Омельченко пытался говорить как всегда уверенно и напористо, но голос выдавал его волнение и явную тревогу. Я бы на его месте тоже запаниковал, особенно после вчерашнего. Но о вчерашнем знали только мы троим – я, Омельченко и его жена, и по взгляду, который бросил на меня Омельченко, я понял, насколько важным будет теперь для него мое молчание.

– О зимовьюшках, насколько мне известно, там ни слова, – медленно и как бы задумчиво продолжал Птицын, – а вот то, что ты, Петр Семенович, золотишко тогдашнее мог прибрать и за перевалом в самое короткое время оказаться, брался доказать наглядным образом. Экспериментально.

– Пусть теперь доказывает, – невольно вырвалось у

Омельченко.

Я посмотрел на Ирину. Трудно было не заметить, что она чем-то очень напугана. Губы дрожали, лицо побледнело, пальцы нервно вцепились в дверную штору, вся подалась вперед, словно боялась пропустить хоть слово, малейшую интонацию происходящего.

«Что это с ней?» – с тревогой подумал я.

Заметив мой взгляд, она постаралась взять себя в руки, отпустила штору, выпрямилась и нахмурилась. Мне вдруг пришло в голову, что она тоже могла слышать вчерашний раздрай Омельченко с Хлесткиным, и если слышала, то кто знает, будет молчать или заговорит, если дело дойдет до серьезного дознания? И как мне вести себя, если меня будут допрашивать первым? Я промолчу, а она все выложит. Что дело дойдет до допросов, я не сомневался.

Омельченко перехватил мой взгляд и, мне показалось, догадался, что творится у меня в голове.

– Теперь не докажет, – все с той же задумчивостью продолжал Птицын, словно речь шла о чем-то постороннем, присутствующих совершенно не касающемся.

Эта его манера могла кого угодно вывести из себя. Представляю, каково было несдержанному Омельченко, который должен был буквально физически ощущать тяжесть накапливающихся против него подозрений.

– Теперь, Петр Семенович, доказывать тебе придется, никуда не денешься.

– Не собираюсь никуда деваться! – загремел вдруг Омельченко.

Ирина вздрогнула, и я с удивлением угадал в ее взгляде, устремленном на разволновавшегося хозяина, если и не ненависть, то, во всяком случае, достаточно заметную неприязнь. Впрочем, это длилось недолго. Заметив, что я слежу за ней, она снова взяла себя в руки и на сей раз посмотрела мне прямо в глаза. Поневоле пришлось отвернуться.

– Не знаю, не знаю, – продолжал как ни в чем не бывало Птицын, кажется, весьма довольный тем, как складывался разговор. – Тут еще одно обстоятельство...

– Ну? – не выдержал намечавшейся паузы Омельченко.

– Карабин, – спокойно сказал Птицын.

– Что карабин?

Омельченко бросил быстрый взгляд на висевший на стене рядом с охотничьим ружьем карабин.

– Из карабина Хлесткина... А он у тебя, можно считать, в единственном числе в окрестностях. Если хлесткинского не считать.

Явно успокаиваясь, Омельченко глубоко вздохнул.

– Любишь ты, Серега, обстановку нагнетать. Взял бы иногда да башкой об стенку, чтобы нервы не трепал. Вон он, карабин. Я его без малого сто лет назад в руки брал. Специалист сразу определит, был он в деле или нет. А ночью я напролет дома находился в хорошо поддатом состоянии. Сви-

детели в полном наличии. За исключением Кошкина... – Он опустил свою лапищу на плечо Рыжему и силой усадил того на стул. – Этот только что заявился на работу наниматься. Как погода заладится, они с Алексеем на Глухую подадутся.

– Милиция сейчас там в полном составе суетится, – словно не принимая в расчет доводы Омельченко, продолжал Птицын. – С минуты на минуту сюда заявятся. Ну, я и поспешил... предупредить...

– Спасибочки за старание, – шутовски поклонился Омельченко. – Прошу к столу, еще одним гостем будешь. У меня нынче гостей полон дом. Не скажу, что всех сам созывал, но все равно дело хорошее. Омельченко гостям всегда радовался, по-возможности никому ни в чем не отказывал. Так, Алексей Батькович?

– Если не вы, то и не знаю, – пробормотал я.

– Ну и ладушки. У милиции свои дела, у нас свои. Тащи, мать, чай. Компоту абрикосового не имеется, а чай у Надежды лучше не бывает. Всю дурь вымывает.

Слышно было, как к воротам подъехала машина. Звякнула щеколда калитки, скрипнула дверь в сенях, постучали.

– Не заперто, – нарочито громко отозвался Омельченко и сел на свое место за столом.

Надежда Степановна, малость замешкавшись, села рядом. Дверь осторожно приоткрылась, в комнату, почему-то пригнувшись, вошел невысокий худой человек – майор милиции. Следом боком протиснулся верзила сержант и, притво-

рив за собой дверь, так и остался стоять у порога.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался майор и неторопливо стал оглядывать собравшихся, задержавшись взглядом сначала на мне, потом на Рыжем. Помню, меня удивило какое-то почти нарочитое невнимание к застывшей в дверях Ирине. Подсознательно отметив про себя эту почти неуправимую неестественность в поведении майора, я почти сразу забыл об этом, всецело захваченный стремительно развивающимися событиями.

– Птицын здесь, значит, все полностью проинформированы, – снимая шапку и усаживаясь на свободный стул, сказал майор и попытался улыбнуться. – Следопыт, он и в Африке следопыт. Ты бы, Сергей Иванович, подавался ко мне на службу. Твоей расторопности на весь состав моего отделения с головой хватит и еще столько же останется. Всегда тебя в пример привожу. Ну, какие твои выводы?

– Выводы вам делать. Я в основном по фактам и фактикам, по следочкам, по слухам. Но только лично для себя, для пополнения житейского багажа. С посторонними, как правило, не делюсь, взглядов своих не навязываю, – с неожиданной горячностью заговорил Птицын.

– Хорошо, – подумав, сказал майор. – Хорошо, что не навязываешь, и хорошо, что взгляды имеются. Я от своих работников вот этого самого очень усиленно добиваюсь. К сожалению, результаты не всегда радуют. Но добиваюсь.

Значит, уважаемые граждане, дело такое... Имеется на-

лицо факт преднамеренного убийства Хлесткина Степана Ильича. Ночью, из карабина. Точное время производства выстрела скоро будет установлено.

– Минуточку... – поднялся Омельченко. – Хочу сделать официальное заявление...

Он подошел к занавешенному окну и резким движением сорвал одеяло.

– Вот... Наглядно... В десятом часу тоже произвели выстрел. Свидетели имеются. Вот – Алексей, вот – жена, Надежда Степановна. Поскольку в это время здесь находился, значит, в меня. Потушил свет, выскочил – снег, ветер, следов никаких. По тому, откуда окно видать, из-за баньки целили. Алексей в это время там находился, может подтвердить. Прошу занести в протокол, то есть зафиксировать.

– С молодым человеком мы еще поговорим, в протокол занесем. В обязательном порядке занесем. Факт, в связи с происшедшим, интересный. Производит впечатление. Производит, Птицын?

Птицын, внимательно разглядывавший разбитое стекло, кивнул. Потом хмыкнул и сказал: – Из мелкашки. Не серьезно.

– Не серьезно, когда не в тебя. А когда тебе в лоб прилетит, очень даже серьезно будет, – не на шутку разозлился Омельченко.

– Пулю нашли? – как ни в чем не бывало спросил Птицын.

– Тебе надо, ты и ищи, следопыт чертов. Не серьезно ему.

Хлесткину, вон, серьезно получилось, а мне, видать, еще не судьба.

– Хлесткину, действительно, серьезней некуда, – подтвердил майор. – Поэтому следствие обязано... Повторяю, обязано проверить, как выразился уважаемый Сергей Иванович, все факты и фактики. Среди них наиважнейший – ваш, Петр Семенович, карабин. Хлесткинский в настоящее время у нас на экспертизе, хотя применение полностью исключено при наличии запертой двери. Из остальных зарегистрированных, второй и единственный – ваш. Поэтому, сами понимаете, необходимо.

– Вон он, у всех на виду. С весны в руки не брал. Без всякой экспертизы сразу видать будет. В нем, извиняюсь, пауки, наверное, завелись.

– Сержант, составьте акт изъятия в присутствии понятых. Они, кстати, в наличии...

Сержант потянулся к карабину. Голос майора из спокойного и размеренного неожиданно стал резким и властным.

– В перчатках! Перчатки одень! Мне еще с твоими отпечатками возиться не хватало!

Сержант торопливо надел кожаные перчатки и осторожно, как драгоценность, снял висевший на стене карабин.

– Дай сюда!

Голос майора стал еще суше и резче. Он достал из кармана чистый носовой платок, встряхнул, разворачивая, и, придерживая карабин одной рукой через скатерть, другой, осто-

рожно коснувшись затвора платком, открыл его и поднес карабин к самому лицу. Понюхал. Покачал головой. Вынул затвор, положил на стол, заглянул в ствол. Удовлетворенно хмыкнул и сказал: – Стреляли из него несколько часов назад.

Почему-то глядя на меня, Омельченко медленно поднялся, прохрипел:

– Николай Николаевич, как перед Богом... Спал как убитый. И патроны у меня спрятаны, где все припасы. Пустой висел. Я заряженное оружие на людях не держу.

– Все это ты мне потом подробно напишешь. До мельчайших фактиков, как выражается Сергей Иванович.

– Карабин мог взять любой из находившихся в доме, – неожиданно вмешался Птицын.

– Мог, – согласился майор. – На этот случай и будут взяты отпечатки. Если отпечатков не будет, существуют другие способы. Поверьте, Сергей Иванович, следствие будет вестись с особой тщательностью, учитывая заявление, которое написал перед смертью покойный. Хотя сами подумайте: женщины – маловероятно. Ни малейших мотивов. Молодой человек? Он, по-моему, до сегодняшнего дня понятия о Хлесткине не имел, что такой вообще имеется в наличии.

Когда майор сказал о женщинах, я снова посмотрел на Ирину. Теперь я уже не сомневался, что ночью она куда-то выходила. А главное, я был совершенно уверен, что не такой дурак Омельченко, чтобы пойти и застрелить Хлесткина после всего происшедшего накануне. Даже вдребезги пьяный

он не мог не понимать, что все улики и все подозрения будут против него, и милиция появится в доме, как только факт убийства будет обнаружен. И уж карабин никогда не оставил бы в таком виде, чтобы при первом взгляде и дураку стало ясно, что к чему. А поскольку временное помешательство тоже исключалось, не приходилось сомневаться, что Омельченко к убийству Хлесткина не имеет никакого отношения. И еще мне почему-то показалось, что все происшедшее настолько продумано, что вежливому майору надо хвататься не за первые попавшиеся улики, а сначала задуматься над тем, что они слишком очевидны, чтобы привести к истине.

«Начитался детективов», – оборвал я сам себя и вздрогнул от срывающегося голоса Надежды Степановны:

– А то, что я всю ночь рядом с ним находилась и готова голову наотрез... Это во внимание приниматься будет?

– Почему же? – майор протянул карабин сержанту. – Заверни во что-нибудь... Вы берете на себя соответствующую ответственность за свои показания, мы сопоставим их с другими показаниями и... сделаем соответствующие выводы.

– Так мне, значит, что? – голос Омельченко угрожающе окреп и загремел чуть ли не в полную силу. – Собираться?

– Соответственно.

Мне показалось, что майор с интересом всматривается в Омельченко.

– Оформим изъятие, возьмем показания, и в интересах следствия я вас, Петр Семенович, сами понимаете, вынуж-

ден задержать. Пока временно.

– Оформляй, – Омельченко демонстративно уселся за стол, придвинул к себе пустую кружку. – Надежда, налей чаю на дорожку. Не бойсь, еще извинения попросят.

Неожиданно он уставился на меня и, тяжело роняя слова, выдал:

– Слышь, Алексей, Серега-то прав. Кто здесь находился, того и работа. Остальное, сам понимаешь, исключается на все сто. Надежда рядом, она... – он кивнул в сторону Ирины, – скорее всего, понятия не имеет, с какой стороны он заряжается. Что у нас в остатке? – Он повернулся к майору. – Вы Омельченко за дурака не держите. С самого начала у меня мысль имелась, что здесь что-то не то. Концы не сходятся. – И снова он повернулся ко мне. – Больно ловко ты из себя простофилю соорудил. Не хуже, чем в театре... Знаешь, что мне сейчас в голову брякнуло? Стреляли от баньки, а там ты. Так? Интересное совпадение? Ты, майор, пошли пошарить насчет мелкашки. Я почти сразу выскочил, ему ее только выкинуть оставалось. Если, конечно, рядом никого не было. Пошарь, пошарь, глядишь, сразу все на места поставишь.

Майор с таким же интересом, с каким минуту назад смотрел на Омельченко, уставился теперь на меня, и мне почудилось в его взгляде что-то не то насмешливое, не то снисходительное. Я посмотрел на Ирину. Она, нахмурившись, смотрела прямо на меня.

«Н-да... положеньице. Не лучше, чем у Омельченко. По-

пробуй докажи, что ночью не вставал, карабина не брал, в Хлесткина не стрелял. Я ведь даже понятия не имею, где он проживает. Вернее, проживал». Я вдруг почувствовал, что растерянно улыбаюсь, и, торопясь, как бы улыбку не отнесли на счет если не полного моего идиотизма, то уж на счет бесчувственности или, не дай бог, неумело скрываемого торжества, я забормотал:

– Петр Семенович, я понимаю, конечно, ваше состояние... Я, например, совершенно уверен, что вы ни малейшего отношения... Мы до двух часов с Надеждой Степановной проговорили, потом я часа два не мог уснуть. Никто никуда не выходил. Вы, естественно, можете думать, что я... Но мне-то зачем? Я даже не знаю, где он живет...

Наверное, то, что я бормотал, выглядело наивно, но холодная ненависть во взгляде Омельченко, устремленном на меня, исчезла, и он опустил голову.

– Черт тогда, что ли? – проворчал он и, подумав, добавил: – Ладно, разберемся. Снимай, Николай Николаевич, отпечатки, допрашивай, проверяй. Мне бояться нечего. С Хлесткиным мы друзьями-приятелями не были, но и стрелять мне в него резону ни на копейку. Что я, придурок полный? Если бы я, так я бы этот карабин... Ни одна твоя экспертиза иголку бы не просунула.

– За придурка я тебя не держу, скорее наоборот, – загадочно сказал майор и повернулся к сержанту: – Садись, пиши...

Часа через два, когда все формальности были выполнены и Омельченко увезли, я отпустил Кошкина, вытребовав с него заявление о приеме на работу в экспедицию в качестве подсобного рабочего. Забрал паспорт и авансировал небольшую сумму «на подготовительные сборы». С заявлением можно было отправляться в аэропорт, как только погода утихомирится до состояния летной. Правда, появилась было еще одна загвоздка: вежливый майор запретил мне трогаться с места без его специального на то разрешения. Я не на шутку перепугался, что запрет этот может продлиться «до окончательного выяснения обстоятельств гибели гражданина Хлесткина». Но Птицын успокоил майора, высказав сообщение, что, находясь на Глухой, я изолирован и заперт не хуже, чем в камере среднестатистического российского тюремного заведения. А когда майор и сержант вышли, добавил, что если бы против меня имелась хотя бы одна улика средней увесистости, мне бы не миновать проследовать вместе с Омельченко.

К этому времени в доме мы остались втроем – я, Птицын и Ирина, которая, впрочем, почти сразу удалилась в свой летник. Надежда Степановна напросилась поехать с мужем, и в доме с ее отъездом воцарилась гнетущая нежилая тишина.

– Значит, так, – сказал наконец Птицын, когда затянувшие

еся молчание стало невыносимым. – Советов никому и никогда не даю, но порассуждать совместно согласен. Есть желание порассуждать?

– Только этим и занимаюсь в последнее время.

– Ну и какой, по-твоему, можно сделать вывод из всех этих событий?

– Что не имею к ним никакого отношения, – раздраженно ответил я и добавил: – А они ко мне почему-то начинают иметь.

– Может быть, не почему-то? – По-птичьи наклонив голову и вскинув рыжеватые брови, Птицын заглянул мне в глаза.

– Рассуждай дальше, – без особого интереса разрешил я. Присутствие Птицына становилось утомительным. Он минуты не постоял и не посидел спокойно. То подходил к стене и начинал внимательно ее рассматривать, то для чего-то заглядывал под лавку, то приподнимал половик, то подходил к окну и, прищурив один глаз, начинал вертеть головой, склоняя ее то в одну, то в другую сторону. Вот и сейчас он вдруг опустился на четвереньки и полез под стол.

– Пулю ищешь? – догадался я.

– Ее, – выглянул он из-под стола.

– А что это тебе даст?

– Внесу в душу стрелявшего заразу беспокойства.

– Почему он должен беспокоиться по поводу кусочка сплющенного свинца?

– Можно пустить слух о чудесах современной техники.

Мол, пуля будет передана на сверхнаучную экспертизу, после чего с точностью установят ружье, из которого стреляли.

– У вас что, много дураков?

– Хватает. И еще, поймей в виду – любой преступник в глубине души уверен, что он оставил след, и этот след его рано или поздно выдаст.

– Узнает, что пуля у тебя, еще раз выстрелит.

– Прежде чем выстрелить, попытается разузнать подробности.

– По-моему, здесь у вас стреляют без предварительного выяснения.

– Здесь у нас стреляют, как правило, без промаха.

Я стал загигать пальцы:

– Ночь, снег, ветер, двойное стекло, я ошивался поблизости...

– Ну что, по-твоему, он должен был сделать в этом случае?

– Зачем стрелять, если не уверен в результате?

– А какой должен быть результат?

– Стреляет, значит, хочет попасть.

– Не всегда. Иногда стреляют, чтобы испугать. Иногда, чтобы поднять, выманить, предупредить, навести на ложный след, дать знать об опасности. И так далее.

– Думал об этом, не вижу смысла.

– Смысл имеется.

– Какой?

– Несколько смыслов.

– Каких?

– А вот над этим надо еще серьезно поразмышлять. Ты в курсе, что у нас тут случилось?

– Два года назад?

– Точно.

– Очень поверхностно.

– Ты что, не читал, что тебе Арсений Павлович написал?

– Ничего он мне не написал.

– Как не написал? Он мне звонил. Сказал, чтобы ты, перед тем как принять окончательное решение, еще раз внимательно перечитал все, что он тебе написал.

Я, наконец, вспомнил про блокнот «Полевого дневника», который так настойчиво подсовывал мне Арсений и про который я, торопливо засунув его в кармашек рюкзака, сразу позабыл. Был уверен, что там записаны наставления и советы, которыми я и без того был сыт по горло. Пристально поглядев на меня и догадавшись, что я понял, о чем речь, Птицын вдруг снова опустился на четвереньки и пополз к входной двери, у самого порога которой наконец отыскал то, что, как ему казалось, даст возможность взять на испуг неизвестного, покушавшегося вчера не то на жизнь, не то на душевное спокойствие и без того далеко не спокойного Омельченко.

– Никогда не надо опускать руки, – поучительным тоном заявил он и, зачем-то потеряв маленький кусочек металла о рукав, бережно опустил его в карман.

– Слушай, ты действительно пишешь стихи? – не выдержав, спросил я.

По-моему, он слегка смутился.

– Случается.

Я решил его все-таки достать и нагло спросил:

– Хорошие?

– Черт его знает! – ничуть не обидевшись, сказал он. – Какие получаются. Разные.

– Прочтешь когда-нибудь? – с уважением к его откровенности и нежеланию обижаться спросил я.

– Не знаю. Как получится. Ладно, пошел распространять слухи о найденной улике. Решится с отлетом – загляни ко мне. Поделюсь соображениями насчет тех мест. Места в смысле возможности проживания серьезные. Даже не проживания – выживания, – поправился он и вышел, сильно хлопнув дверью.

«Весело начинается мое долгожданное поле», – подумал я и, не зная чем заняться, решил до прихода Надежды Степановны изучить советы и пожелания Арсения Павловича, заботливо записанные им в старенький «Полевой дневник». Я нехотя поплелся к месту своего временного ночлега, вытащил из-под стола рюкзак и полез в кармашек, в который, как я хорошо помнил, засунул блокнот. Меня подстерегала еще одна неожиданность – блокнота в рюкзаке не было. На всякий случай я перешуровал все содержимое рюкзака, осмотрел даже карманы куртки. Всем этим я занимался, можно

считать, машинально, на всякий случай, поскольку в результате был заранее уверен. Раньше у меня никогда ничего не пропадало из тщательно застегнутого и завязанного рюкзака, поэтому я не стал даже размышлять над тем, где и когда я мог выронить никому не нужный блокнот, а сразу сосредоточился на том, кто и с какой целью его временно или навсегда позаимствовал. Круг подозреваемых был настолько невелик, что проверку можно было начинать, как говорится, «не отходя от кассы». Я ногой задвинул рюкзак под стол, пригладил взъерошенные волосы и направился к оклеенным обоями задоскам, за которыми, рядом с огромным сундуком, запертым на амбарный замок, располагалась задернутая выцветшей ситцевой занавеской дверь в небольшие задние сени, которые надо было миновать, чтобы войти в летник. Двумя решительными шагами я пересек сени, едва освещенные маленьким запыленным окошком, и постучал в дверь, сколоченную из двух широких толстенных досок. Не дождавшись ни приглашения, ни отказа, я потянул ее на себя. Дверь бесшумно отворилась.

– Я знала, что вы придете, – сказала она, не повернув головы и не шевельнувшись.

Сложив руки на коленях, она сидела у окна на высоком, грубо сколоченном табурете. Тонкий силуэт ее профиля, мягко окантованный ореолом снежного света, был так нежен и незащищен, что у меня сразу вылетели из головы все заготовленные фразы, и я столбом застыл на пороге, не реша-

ясь ни пройти, ни уйти, ни выдавить что-либо в объяснение своего появления.

В летнике было не так холодно, как я ожидал, хотя и гораздо прохладнее, чем в жарко натопленных комнатах основного жилья хозяев. Пахло здесь, как и там, травами, но дышалось гораздо легче. На старую, тщательно застланную койку была небрежно брошена дубленка, а рядом, у подушки лежал раскрытый «Полевой дневник», навязанный мне перед отъездом Арсением Павловичем.

– Хотите узнать, куда я выходила ночью? – спросила она каким-то безжизненно-бесцветным голосом.

Не отвечая, я подошел к койке и забрал принадлежавший мне блокнот.

– А... Это... – сказала она. – Не знаю, зачем и как он у вас. Только не вздумайте поверить тому, что там написано.

За все время, что я знал Арсения, он не произнес и слова неправды. По-моему, он просто органически не был способен на это. Обида за Арсения развязала мне язык.

– Прежде чем делать такие выводы, может, вспомним, как он здесь оказался? – сдерживая предательскую дрожь в голосе, спросил я.

– Я его взяла у вас из рюкзака. Хотела положить обратно, но не успела.

– Правда, хотели? – пробормотал я, снова поймав себя на том, что говорю не то, что хотел.

– Не хотела, но надо было. Иначе многого вы так и не пой-

мете. И вообще... Стало окончательно ясно – вы ничего не знаете.

– А вы знаете? – не выдержав, спросил я.

Она наконец-то повернулась ко мне.

– Пока не знаю. Всего не знаю. Но узнаю, чего бы это мне ни стоило.

Мы долго молчали. Она отвернулась, а я, не отрываясь, смотрел на нее и лихорадочно соображал, как бы продолжить этот странный разговор.

– Когда я увидел вас ночью, сначала подумал – сон. Решил дождаться возвращения, чтобы убедиться окончательно, и заснул по-настоящему. Теперь понял – не сон.

– Не сон, – подтвердила она.

– Значит, карабин взяли вы? Для кого?

– Не допускаете, что я могла сама им воспользоваться.

– Не могли.

– Почему?

– Не могли – и все. Кому вы его передали? Птицыну?

– Господи, какая у вас каша в голове. Не все ли вам равно?

– Вы же слышали... Из него убили человека.

– Никого из него не убивали. Не впутывайтесь в эту историю, Леша. Она страшная и трудная. И, кажется, очень и очень подлая.

– Как же не убивали? А Хлесткин?

– Жив ваш Хлесткин. Жив и здоров. Никто в него не собирался стрелять.

– Ничего не понимаю. А Птицын? Милиция?...

– Так было надо.

– Кому?

– Надо, – повторила она и всхлипнула.

Я шагнул было к ней и замер, остановленный ее стремительным разворотом в мою сторону.

– Тебя подставляют, понял? – хлестнул меня злой свистящий шепот. – Ты не должен был здесь появляться! Тебя подставляют. Только поздно. Поздно, поздно...

После последовавшего продолжительного молчания я все-таки задал не дававшие мне покоя вопросы:

– Кто вы? И если Хлесткин живой, почему арестовали Омельченко?

– Задать такие вопросы и в такой последовательности могла только женщина, – сказала она и отвернулась.

Я почувствовал, что краснею, и уже хотел ответить очередной колкостью, когда она добавила:

– Или абсолютно ничего не знающий и ничего не понимающий Алексей Юрьевич Андреев. Который, неожиданно для самого себя, затесался в такую путаницу и ужас, что лучше бы ему вообще ни о чем не знать и ничего не слышать.

– Мне самому теперь кажется, что все не так просто... Я только категорически не согласен... Арсений Павлович просто органически не способен обмануть. Он скажет правду, даже если это будет грозить ему... Чем угодно будет грозить, он все равно скажет правду. Вы просто его не знаете.

– Не знаю, – согласилась она. – Я его в глаза не видела.

– Почему тогда?

– Потому. На один вопрос я все-таки отвечу. Омельченко должен поверить, что Хлесткина убили. И должен до смерти перепугаться. Все улики против него. Ему придется спасать свою шкуру. От того, каким способом он решит это сделать, будет зависеть все остальное.

– Что «остальное»?

– Все.

– После вашего ответа сам черт голову сломает.

– Не ломай. Это не твое и не для тебя.

Это уже дважды повторенное «ты» на несколько мгновений почти осчастливило меня.

– Вы сами сказали, что меня подставляют.

– Уйди в сторону.

– Куда?

– Просто отойди в сторону и постарайся не вмешиваться.

– Теперь, наверное, уже не получится.

– Это очень опасно.

– Меня это, конечно, волнует, но не так чтобы.

– Это опасно не только для тебя.

– А для кого еще?

– Для меня.

– Я опасен для вас?

– Все может случиться.

– Никогда... Ни при каких обстоятельствах не сделаю вам

ничего плохого.

Она долго не отвечала. Я испугался, что она вообще больше не скажет ни слова. Мои последние слова были похожи на признание. Странный разговор у нас получился. Вроде бы ничего конкретного она мне не сказала – и в то же время сказала так много, что я никак не мог ухватить все ускользающие нити намеков и предостережений, которые прозвучали в ее словах, полных тревоги и недоговоренностей. Неожиданно она встала, подошла ко мне, пристально-пристально посмотрела в глаза, положила руку на плечо, прислонилась, невесомо поцеловала в губы и, прихватив с кровати дубленку, вышла. Потом я услышал, как хлопнула входная дверь, и я остался в доме один – растерянный, задохнувшийся от неожиданности и мгновенного счастья, ничего не понимающий, не знающий, что делать, куда идти, о чем думать, да и думать ли вообще, когда на губах еще хранились запах и тепло сухих губ, а перед глазами стояло зеленоватое обжигающее сияние ее взгляда.

«Околдовали тебя, Алексей Юрьевич, околдовали», – сказал я сам себе и глупо улыбнулся. И почему-то сразу вслед за этим памятно подумал о том, что вблизи ее лицо не так молодо, каким казалось издалека. Едва заметные морщинки у глаз и в уголках губ подсказывали не столько возраст, сколько пережитые не так давно страдания или чересчур сильные впечатления от жизни, которая внезапно повернулась к ней не лучшей своей стороной.

Я не стал додумывать эти не очень внятные мысли, отмахнулся от назойливой тени тревоги и едва-едва обозначившегося намек на какую-то догадку. Уселся на ее койку и, все еще продолжая улыбаться, раскрыл блокнот Арсения.

* * *

Почерк у Арсения удивительно четкий и разборчивый, но я, тем не менее, по нескольку раз перечитывал написанное, с трудом справляясь с тревогой, поселившейся во мне после оборвавшегося несколько минут назад разговора. Но постепенно содержание дневника полностью завладело моим вниманием. Я сразу понял, что оно было предназначено совсем не мне. Оно вообще никому не было предназначено. Просто я по ошибке схватил из рассыпавшейся стопки полевых дневников первый попавшийся...

«4 августа. Сегодня первый раз за месяц выглянуло солнце. Никогда не думал, что можно так обрадоваться этому, казалось бы, абсолютно ординарному в других условиях и в других местах, событию.

– Не спугни, – сказала она, увидев тонкий лучик, протиснувшийся в почти незаметную щелку.

Не было слышно дождя, не скрипели раскачивающиеся от ветра деревья. Впервые за много суток наступила тишина. Только река слышна на перекате. Но даже ее ворчание казалось умиротворенным.

Мы боялись пошевелиться. Несколько дней назад она сказала:

– Дождь и холод – невыносимое сочетание. А от своей нескончаемости они становятся состоянием души. Когда не можешь высохнуть, распахнуться, согреться, превращаешься в затравленного больного зверя. Представляю, как они стоят под этим дождем и о чем-то угрюмо думают.

Я понял, что она из последних сил сдерживается, чтобы не заплакать.

Мы еще долго лежали неподвижно и смотрели на дрожащий солнечный лучик. Как-то странно, не сразу, а очень медленно, он начал погасать. Потух. Потом снова пошел дождь. Весь этот день она была необычно молчалива и задумчива. Я знал, что эта стадия вот-вот наступит. Кажется, наступила.

11 августа. Завтра у нее день рождения. Готов молиться, чтобы хоть на несколько часов выглянуло солнце. Это будет для нее самым лучшим подарком. Свой подарок я приготовил заранее, задолго до того, как мы здесь оказались. Когда-то она сказала:

– Хочу встретить свой день рождения в тайге, с тобой. И чтобы на сотни километров вокруг ни одной живой души.

Я сказал:

– За чем дело стало? Прилетай, я увезу тебя в самое затерянное место на свете. Там будут только лоси, рыбы и птицы. – Во время этого разговора вокруг ревел и мчался в ночь огромный город. Миллионы огней пронеслись в ее сум-

шедших глазах и звездной пылью оседали на мокрый асфальт. Впервые в жизни у меня куда-то в бесконечность проваливалось сердце при одной только мысли о том, что это наше одиночество на самом краю света может когда-нибудь случиться. Хотя бы в мечтах.

– Прилечу, – не задумываясь, сказала она. – Жди.

– Прекрасно, – тоже не задумываясь, согласился я. – За мной подарок. Думаю, он тебе понравится.

Интересно, помнит ли она о том нашем разговоре, о моем обещании? Вообще-то память у нее профессиональная – цепкая и подробная. Не раз уже убеждался в этом.

Часто вспоминаю, как и почему мы оказались рядом. Я увидел ее на приеме в датском посольстве, куда меня затащил профессор Свен Йергенсон. Он только что перевел и напечатал мою статью в каком-то важном скандинавском биологическом журнале, ухитрился разыскать, вызвал в Москву и теперь сговаривал на совместную большую работу по фауне Заполярья... Мне показалось, что она, как и я, совершенно лишняя в деловито перемещающейся гудящей толпе. Она стояла у огромного серо-розового гобелена в серебристо-сером сверкающем платье и задумчиво смотрела в окно, за которым, цепляясь за ветви огромного клена, скатывалось за черные крыши догорающее закатное солнце. Совершенно неожиданно для себя я подошел к ней и, с трудом сформулировав фразу на английском, сказал:

– Говорят, что если долго смотреть на заходящее солнце,

а потом закрыть глаза, можно увидеть летящего ангела.

Она внимательно посмотрела на меня и сказала:

– Черта с два! Больше всего я хотела бы увидеть, как сгорит синим пламенем договор нашей фирмы на поставку никому не нужного оборудования. Идиот Федюнин затащил меня сюда, чтобы я разыгрывала роль его любовницы. Я только что послала его в места достаточно неприятные для его закомплексованного самолюбия. Вам, кажется, тоже невесело? Давайте смотаемся отсюда!

Все это она выпалила на чистейшем русском, сразу, в отличие от меня, определив мою национальную и душевную сущность. Увидев, что я растерялся, она взяла меня под руку и уверенно повела сквозь толпу. Расчитанно тормознув за спиной полного молодого человека, она громко сказала:

– Мы с вами самая красивая пара в этой жирной толпе. Сколько можно жрать и пить? И пресмыкаться! Лично я ухожу. Вы не против?

Полный молодой человек судорожно дернулся, обернулся и уставился на нас. Я усмехнулся и тоже достаточно громко сказал:

– Если бы я не увел вас отсюда, то потом жалел бы об этом всю оставшуюся жизнь.

И мы ушли.

Вот так вот и случилась наша встреча, которая по каким-то неведомым законам судьбы швырнула нас друг к другу с совершенно очевидной целью – вдребезги разбить наши

предыдущие и будущие жизни. Ее уже нет, меня, вероятно, скоро тоже не будет. Зачем и кому это было надо там, наверху – не знаю! Но случись все сначала, я непременно подошел бы к ней и сказал:

– „Говорят, если долго смотреть на заходящее солнце...“
Интересно, что бы она ответила?

Сбоку, очевидно значительно позже, очень мелко было дописано:

– Какая бы чепуха ни лезла в голову мне или тем, кто меня потом допрашивал, нельзя спорить с очевидностью – наша встреча была случайной. Не она, я подошел к ней. Подошел и сказал... Что подтолкнуло меня к этому? Просто она, как и я, была там совершенно чужой.

12 августа. Солнце так и не появилось. Но дождя не было – и на том спасибо. Пока она спала (или делала вид, что спит), я затопил печурку, накрыл стол (если это можно было назвать столом), достал бутылку неплохого коньяка и положил рядом старинные, прабабушкины серьги с изумрудами. Я был уверен, что они удивительно подойдут к ее глазам... Потом вышел из палатки.

Густейший непроницаемый туман поглотил окрестное пространство и все долженствующие присутствовать в нем звуки. Буквально в двух шагах очертания предметов расплывались, растворяясь в вязкой белесой непроглядности. Про такой туман якуты говорят, что его можно резать ножом. Неожиданно возникшее предчувствие беды заставило

меня оглянуться. Это было похоже на чужой угрожающий взгляд, упершийся в спину. За спиной была сплошная стена тумана. Скорее угадывая, чем различая тропу, я пошел к берегу. Единственное жильё нашего стационара располагалось неподалеку от устья широкого бурного ручья, скорее даже речушки, вырывающейся из узкого ущелья и за длинной каменистой косой впадающей в реку. Стоило пройти десятка три шагов и выйти к обрывистому берегу, как сердитый шум воды, то и дело спотыкающейся об огромные валуны, заглушал все остальные звуки. Судя по пройденному расстоянию, я был почти у самого берега. Речушка молчала. Это было так неожиданно и непонятно, что на какое-то мгновение мне даже показалось, что я заблудился в тумане и пошел в противоположную сторону. Я прекрасно понимал, что это невозможно, но такой же невозможной была оглушающая густая тишина. „Может, это из-за тумана? – подумал я. – В нем завязли все звуки“. Мысль была глупой, как и предыдущая. Разозлившись на то, что ничего не могу понять, я сделал несколько решительных шагов вперед и чуть не свалился с обрыва. Выходит, в направлении не ошибся. Хватаясь за смолистые ветви стланика, осторожно спустился и замер. Вместо бурной стремительной воды сквозь туман просвечивало мокрое каменистое дно. Сделав еще несколько шагов, я поскользнулся и чуть не упал. Высохшая после почти двухмесячных непрерывных дождей река – явление столь же невероятное, как... Я даже не смог подыскать срав-

нение, настолько не укладывалось все это в рамки привычного и объяснимого. И вдруг все понял. Где-то далеко (а может быть, совсем рядом!) вверх по ущелью, в горах, бесконечные дожди спровоцировали мощный оползень, заваливший ущелье. Река, за внезапной и вряд ли надежной плотиной, сейчас быстро накапливает силы, беснуется, ищет выход. И как только могучая сила воды пересилит преграду из камней, глины, песка и стволов деревьев, стократ усилившийся поток хлынет вниз, смывая и разнося вдребезги все, что окажется на его пути. Если преграда достаточно велика и протянет еще несколько часов, то, вырвавшись из ущелья, поток перехлестнет через берег, как пушинку сметет палатку, раздавит, расплющит, унесет неведомо куда оставленную на косе лодку... С минуту я колебался – бежать сначала к лодке или к палатке? Плотина в ущелье могла еще продержаться несколько часов, могла рухнуть через несколько мгновений. Я побежал к палатке.

Полураздетая, непричесанная, она сидела на нарах, смотрела на плескавшийся в печурке дымный огонек и беззвучно плакала. Серьги лежали перед ней на грубом брезенте спальника...

Через несколько минут, сгибаясь от груза, задыхаясь, ничего не различая перед собой из-за нерedeющего тумана, мы поднялись на первый уступ сопки, у подножья которой приутилось наше ненадежное жилье. Потом я стал перетаскивать туда продукты, приборы, оставшиеся в палатке вещи.

Когда я в четвертый раз поднялся наверх, она сказала:

– Хватит. Все равно через несколько дней мы покинем все это. Я больше не могу. – Помолчав, добавила: – Только не думай, что я остыла, разлюбила, разочаровалась. Скорее наоборот. Но я поняла, что не смогу ни ждать тебя месяцами, ни жить месяцами здесь, в подобных условиях. Видимо, я навсегда отравлена городом и той нелепой жизнью, которой жила. У меня уже нет сил, я себя переоценила. Ты тоже не сможешь по-другому, даже ради меня. Понимаю и не собираюсь настаивать. Судьбу не переспоришь. Жизнь подкинула нам подарок, а мы... – И снова повторила когда-то уже сказанную странную фразу: – След ветра на воде...

И снова я не понял, о чем она.

Она никогда не хитрила и не обманывала меня. Всегда говорила то, что думала. В том, что случилось, нет нашей вины. Выбора у нас не было.

Когда мы услышали нарастающий гул и грохот, я вспомнил про лодку. Забыв про нее, я совершил непростительную ошибку. В этих местах за такие ошибки иногда расплачиваются жизнью. Она пыталась меня удержать, я был уверен, что успею. Если бы не проклятый туман! Поток настиг меня, когда я спустился на косу. Не знаю, что спасло – везение, уступ скалы, за который успел ухватиться, валуны, развернувшие ствол чизении, который мчался прямо на меня?... Досталось, конечно, но могло быть и хуже... Лодку и ружье, которое было в ней, или расплющило и утопило, или унесло.

Бочку с бензином, которая находилась неподалеку, выбросило на остров километра на три ниже по течению. Палатку, слава богу, не зацепило, хотя пронесло впритирочку – шагах в четырех-пяти. Мне довольно крепко раскровенило руку, и я уже едва держался, когда она разыскала меня и, не задумываясь, бросилась в ледяную воду. Пришлось выбираться самому и вытаскивать ее...

В общем, день рождения получился на славу. Коньяк мы все-таки выпили, сережки удивительно подошли к ее глазам, об отъезде она больше не заговаривала. Через неделю выглянуло солнце, распогодилось и наконец-то потеплело. А еще через несколько дней я решил двинуть к старателям, чтобы от них по радиации связаться с Птицыным и попросить его приехать за нами. Решил двинуть напрямую, через хребет, рассчитав, что доберусь дня за три-четыре. Столько же на обратную дорогу. Она согласилась неделю пожить одна. Одиночество очень ее пугало, но еще больше пугала перспектива сидеть здесь до морозов и пурги. На следующий день после моего ухода она поскользнулась на мокром камне и сильно ушибла ногу. Как я узнал об этом? Дневник остался в палатке, она разыскала его и день за днем, до самого последнего, записывала в него все, что с ней происходило. Потом это очень мне помогло. Дневник мне вернули».

«24 августа. Почти не сплю. Страшнее всего на рассвете. Хочется, чтобы поскорее кончилась ночь, и боюсь наступающего бесконечного дня. Что я буду делать днем? Ничего не

хочется делать...

25 августа. Показалось, что где-то далеко-далеко стреляли. Побежала к реке, поскользнулась и как-то удивительно неловко грохнулась. Нога застряла между острыми камнями, и от боли долго не могла подняться. Потом кое-как поползла назад. Ползу и реву белугой от боли и злости. Нога распухает на глазах, ничего не помогает.

Ночью, кажется, снова стреляли. Теперь уже ближе. Значит, не показалось.

26 августа. Днем над горами пролетел вертолет. Может, тебя заметят? А если заметят, не поверят глазам. Человек в этих горах либо бред, либо галлюцинация. Пойти сейчас в горы – самоубийство. Осыпи, скользкие, словно намыленные, камни, в распадках и ущельях потоки, непроходимый стланик, предательские ловушки на каждом шагу. Наверное, и еще что-нибудь, чего я даже вообразить не могу, потому что никогда не была там и не буду. Только сейчас я поняла, что натворила. Лишь бы ты дошел. Я согласна сидеть в одиночестве еще целый месяц, лишь бы ты дошел. Можешь даже не возвращаться.

Нога, как подушка. Я так боюсь, что даже не плачу. Лежу целыми днями в спальнике и перебираю день за днем свою запутанную жизнь. Радости в ней было не очень много.

27 августа. Чувствую – с тобой что-то случилось. Закрывает глаза и слышала голос. Ты звал на помощь. Если с тобой несчастье, я здесь умру. Птицын появится через месяц,

к этому времени от меня уже ничего не останется.

Снова пролетел вертолет. Совсем близко. Опухоль не спадает. Выползла наружу и сидела до самой темноты. Долго смотрела на закатное солнце, потом закрыла глаза. Ничего не увидела, кроме слепящих, пульсирующих разноцветных пятен.

28 августа. Видимо, из-за того, что распогодилось, вокруг довольно активно прорезаются признаки очнувшейся от небытия жизни. Мотаются туда-сюда вертолеты. Ночью по протоке прошла моторка. Где-то стреляли. На четвереньках заползла на уступ, где мы спасались от селя – захотелось оглядеться. Да так и осталась там до самой темноты. Впервые за все время пребывания здесь разглядела окружающее и обалдела от красоты и простора. За спиной – голубые гольцы, внизу, у подножья сопки – начавшие желтеть листовенницы и бурое мелколесье. Дальше серебрится гладь притихшей реки. За ней, за путаницей протоков и островов – озеро, а за ним, до полной размытости горизонта и неба – тундра. И все это упаковано в чистейший, до неправдоподобия прозрачный воздух. Сквозь который, кажется, видна каждая песчинка на острове. После бесконечно долгой дождливой серятины все переполнено красками и звуками. Свистят, трубят, трещат, крикают, хлопают крыльями, стонут и квохчут птицы. Оказывается, их здесь несметное количество.

На закате со стороны озера поплыли через протоку на остров лоси. Когда они вышли на сушу, я разглядела – лосиха

и лосенок. Они долго стояли неподвижно, прислушиваясь к чему-то, потом вошли в воду и поплыли к нашему берегу. Золотисто-малиновый след их движения почему-то долго не погасал, и мне показалось, что я уже видела все это – не то во сне, не то в какой-то другой жизни.

30 августа. Ночью думала о том, что мы не могли с тобой не встретиться. Потом приснился жуткий сон – не хочется даже вспоминать.

Несмотря на сон, я уверена – ты дошел. И скоро вернешься. Приедет Сергей. Сергей славный, и стихи у него хорошие – чистые и простые. Опухоль начинает спадать.

1 сентября. Если сюда кто-нибудь „мимоходом-ненароком“ заглянет, увидит меня и еще, не дай бог, потребует документы, сколько сразу отыщется для вопрошающего ошеломляющих неожиданностей. Брошенная черт знает где женщина – раз. Красивая – два. Абсолютно беспомощная – три. Журналистка с высшим экономическим – четыре. На ушах серьги стоимостью миллионов в десять. Без ружья и собаки. Да еще всерьез раздумывает над тем – стоит ли отсюда сбегать или не стоит.

Кажется, я начинаю приходить в себя. Завтра ты должен вернуться. В крайнем случае – послезавтра».

«Я не вернулся ни завтра, ни послезавтра. Я вообще там больше не появился. Черда трагических случайностей, начиная с климатических особенностей этого проклятого лета, и кончая страшными поступками людей, которые нико-

гда не должны были появляться ни на моем, ни на ее пути, с абсолютно четкой очевидностью обозначили преднамеренный замысел судьбы, которая не оставила нам ни малейшего шанса. На крутом подскальном срезе при спуске в очередной распадок, который легко было бы обойти, не будь на склоне непроходимого месива камней и глины, стронуть с места которое хватило бы чиха, я самым непростительным образом не рассчитал расстояние до ближайшей опоры и через несколько секунд оказался погребенным на дне ледяного размыва под грудой камней, переломавших мне несколько ребер, ключицу, не считая ушиба позвоночника и проломленной дурацкой головы. А неподвижное, почти двухсуточное пребывание в ледяной воде стоило последующего воспаления легких, хотя спасло от гангрены, которая была бы неизбежной, не будь этой неудобной подстилки из ледяного крошева. Я так подробно перечисляю свои болячки, чтобы стало совершенно очевидным то обстоятельство, что, отыскав мой полутруп в этой яме, Петр Омельченко вытащил меня с того света и дотащил до лагеря старателей, где нас и отыскивали – одного без сознания, другого почти без сил. А еще через сутки, придя в себя, я узнал об Ольге, ибо первым вопросом, который мне задали компетентные товарищи, – что за женщина проживала со мной на стационаре, не числясь ни в штате сотрудников института, ни в числе временно принятых на работу в экспедицию? И – самое главное: куда она могла бесследно исчезнуть, предварительно безжалост-

но уничтожив одного из самых страшных бандитов нашего времени и спрятав или унеся с собой почти полсотни килограммов похищенного у старателей золота? Тогда я взбеленился, и, если бы не полная неподвижность, дорого бы им обошлись эти вопросы. Даже предположить такое казалось мне верхом идиотизма. Сейчас, спустя много времени, я отношусь к их растерянности несколько спокойнее. Хватаясь за соломинку в трагическом нагромождении непонятностей и совпадений, они выдвигали версию за версией, чтобы некоторое время спустя отбросить их за полной несостоятельностью. Облазали они там все чуть ли не на карачках, обнюхали каждый камень, с секундомером в руках обсчитали каждый шаг всех, кто вольно или невольно оказался поблизости от места событий. Ни одного следа, ни одной улики. А тут еще отступившая было непогода поспешила возобновиться в ухудшенном варианте. Пошел снег, запуржило, потом морозы, потом бесконечные зимние ночи. Через два месяца я более или менее оклемался, рвался на Глухую, считая, что разберусь, пойму, отыщу какой-нибудь след. В это время пришло письмо от Птицына, который уже дважды побывал там. Он подтвердил – никаких следов. Ему я поверил. Если бы что-то было, он бы раскопал.

Чего я только не передумал за прошедшие годы, какие, самые фантастические версии, не приходили в голову. Все бессмысленно. Эту загадку, судя по всему, мне теперь уже не разгадать. Версий много, вариант только один: был кто-то

третий, который убил Башку и Ольгу и унес или спрятал золото. Как это он все умудрился, куда исчез? – вопросы можно задавать бесконечно, а ответ – увы! – пока не маячит даже на горизонте. Либо этот кто-то дьявольски умен, либо ему фантастически повезло. Меня пытались убедить, что труп не мог исчезнуть бесследно – значит, она жива и ушла с этим третьим. И тут же, не моргнув глазом, клялись, что вырваться из того капкана, который захлопнулся у трупа Башки, не то что человек, мышь бы не смогла. Ведь и потом чуть ли не полгода тянулись засады, прочесывания, проверки, но даже и намек на ниточку не отыскалось, чтобы потянуть. Вцепились было в меня и Петра, но и тут все оборвалось. Башку нашли через несколько часов после того, как он приказал, как говорится, долго жить, а от него до места, где меня разыскал Омельченко, топать без остановки двое суток, да и то посуху или по морозцу, а не по той каше, которая была тогда у нас под ногами. Ко всему этому еще одна непонятность – пропавший Карай. Омельченко говорит, что если бы не он, лежать бы мне до сих пор в той самой ледяной яме, куда я ухнул по собственной неловкости и глупости. Потом, когда Петр тащил меня, пес убежал куда-то и бесследно исчез. Говорят – медведь. Омельченко не верит, я тоже. Я хорошо знал Карая – собака редкая. Медведя близко бы не подпустил. Хотя мало ли в тайге случайностей и ловушек. Особенно в тех местах...»

В доме громко хлопнула дверь. Я вскочил с койки и, сунув дневник за пояс, торопливо вышел из летника. Притаившаяся было тревога вернулась с удвоенной силой. Это не было опасение чего-то конкретного, могущего вот-вот случиться, а, скорее, ощущение неблагополучия и неопределенности, когда ждешь, что вот-вот произойдет нечто такое, чему ты не сможешь помешать.

С Птицыным мы столкнулись в сенях. Он растерянно посмотрел на меня, обошел, взялся было за ручку двери в летник, но потом вдруг обернулся и сказал:

– Омельченко убежал.

– Куда? – спросил я, ничуть, впрочем, не удивившись.

Но Птицын не обратил внимания на полный идиотизм моего вопроса и, кивнув на дверь, спросил:

– Как она?

– Ушла куда-то.

Теперь уже не менее глупый вопрос задал он:

– Зачем?

Мы уставились друг на друга, осмысливая полученную информацию, и на какую-то долю секунды опередив его, я сказал:

– Он не должен был убегать.

– Почему? – отходя от двери, спросил Птицын.

– Его накололи. Хлесткин живой.

– Кто тебе сказал? – спросил он с еще большим удивлением.

Я кивнул на дверь.

– Она?

Птицын, по-моему, уже совершенно ничего не понимал.

– Откуда, интересно, такие фантазии?

– Ладно, – сказал я, – не морочь голову. Вы хотели напугать Омельченко, и вам, кажется, это вполне удалось. Ночью она передала кому-то карабин. Из него выстрелили и вернули на место. Улика более чем. Посолидней, чем пуля у тебя в кармане. Вместе придумали или ты один?

– Ни хрена себе, – сказал Птицын каким-то севшим голосом. – Ты это серьезно?

– Серьезней некуда. Придется нам теперь вместе хозяина этого дома разыскивать. Как, по-твоему, куда он мог податься?

– Та-ак... – протянул Птицын и повторил: – Та-а-ак... Вот, значит, какие дела?

– Невеселые, – подтвердил я.

– Значит, она думает, что Хлесткин живой?

– А ты не думаешь?

– Думай, не думай... Если бы я не лично... вот этими самыми руками в кузов... на голые доски. Мертвее не бывает.

– Ты... серьезно? – на этот раз у меня тоже подсел голос.

– Та-ак... Что из всего этого следует?

Было хорошо заметно, что мой собеседник встревожен не на шутку. Я бы даже сказал – испуган. На побледневшем лице отчетливо проступили веснушки, которых прежде я не заметил. Его страх передался мне, хотя я все еще ничего не понимал.

– Поразмышляем? – предложил он и, прикусив ус, уставился на меня, по-птичьи склонив голову на бок.

– У тебя больше информации, – сказал я. – Могу только предполагать и фантазировать.

– Фантазируй, – согласился Птицын.

– Кто-то из тех, с кем она тут в контакте – я думал, с тобой, – сказал, что надо подставить Омельченко. С какой целью? – даже не догадываюсь. Почему согласилась? – тоже. Судя по всему, ей пообещали – с Хлесткиным ничего не будет. Может, про Хлесткина вообще не говорили. Сказали, выстрелят из карабина и вернут. А сами...

– Она, правда, верит? Насчет Хлесткина?

– По-моему, не сомневается.

– А когда узнает?

– Уверен, если бы знала про Хлесткина, не согласилась.

– Правильно уверен, – быстро согласился Птицын. – Теперь все равно узнает.

– И все им испортит.

– А у них счет по-крупному.

– У кого?

– Рисковать они не могут. Значит, что получается?

– У кого? – не скрывая раздражения, переспросил я.

– Так если бы знать... Совсем тогда другие дела. Может, теперь?

– Что теперь?

– Не сказала куда?

– Я думал, к тебе.

– Может быть, может быть... Бежим!

– Куда?

– Ко мне. Не исключено – успеем.

Я заметил, что у него дрожат губы. Но и у меня, кажется, видок был не лучше. Заметив, что я никак не могу попасть в рукав куртки, он тихо сказал:

– Не психуй. Перероем весь поселок. Вычислим гадов. Не выдержали, сволочи, зашевелились. Ты их спугнул.

– Я?

– Ждали Арсения Павловича, приехал неизвестно кто, неизвестно зачем. Какие в эту пору птицы?

– У меня биоэнергетика.

– Разбираются они в твоей биоэнергетике! Побоялись, ты с Омельченко стыканешься.

– При чем тут вообще Омельченко?

– Хлесткин написал, что берется доказать – можно за день, а не за несколько суток дойти от стационара до того распадка, где он нашел Арсения.

– Можно?

– Полная хренотень!

Заканчивали мы этот разговор уже на улице. Птицын бежал легко и быстро. Я с трудом держался рядом с ним. Ветер подталкивал нас в спину. Из-за спешки и пелены ничуть не поредевшего снега я так и не смог определить ни направление, ни особенности мест, по которым мы пробегали. К тому же Птицын то срезал углы, то протискивался между какими-то сараями и помойками, то, согнувшись, нырял под помосты, на которых стояли лодки и бочки. Я был уверен, что самостоятельно мне теперь дом Омельченко ни за что не отыскать, и прибавил ходу, догоняя оторвавшегося от меня Птицына.

– Почему, по-твоему, убежал Омельченко? – задыхаясь, спросил я его, когда мы побежали рядом.

– Дурак потому что, – ответил Птицын, отворачиваясь от снега, который теперь лепил нам в лицо. – Или еще что-то, – выдохнул он после довольно продолжительной паузы. И добавил: – Дурак, конечно.

Возле небольшого, обитого толем домишки, стоявшего на отшибе от других на самом берегу, он наконец остановился. Из-под крыльца выбрались и кинулись навстречу с повизгиванием и ворчанием две лайки и остановились передо мной, загораживая дорогу.

– Не бойсь, – бросил Птицын. – Они в людях разбираются. Мы поднялись на крыльцо. Еще в сенях Птицын закричал: – Мать, гости были?

Он рванул дверь и застыл на пороге. Прямо против входа,

у стола, сидел Омельченко и исподлобья смотрел на нас. Он даже не шевельнулся, пока мы не вошли и не закрыли за собой дверь.

* * *

– Объясните теперь мне, дураку, что я должен был делать при таком раскладе? – спросил Омельченко, закончив рассказ о своем побеге.

Все произошло до глупости просто. Майор завел его в свой кабинет, усадил за стол, положил перед ним копию недописанного Хлесткиным заявления и результаты поспешной экспертизы, из которой следовало, что пуля, убившая Хлесткина, и пуля, выпущенная из карабина Омельченко два года назад, когда проводилась повальная проверка всего зарегистрированного в поселке оружия в связи с известными нам событиями, совершенно идентичны. Кроме того, достал из стола и с многозначительным видом придвинул протокол обыска, произведенного в конторе Омельченко, где в полузаброшенном складе, среди кучи ржавого, ни на что не годного металлолома и прочей, уже лет сто не ворошенной чепухи, были обнаружены два початые ящика похищенной недавно взрывчатки, новенький в смазке автомат с запасными обоймами и пяток гранат-«афганок», выяснением места пропажи которых, как вежливо объяснил майор, сейчас очень активно занимаются соответствующие органы.

– Изучай, – сказал майор, – и пиши самое подробное объяснение, что и как, после которого у следователя не останется или почти не останется вопросов. Тогда попробуем отыскать какой-никакой выход, – многозначительно добавил он и как ни в чем не бывало вышел из кабинета.

Омельченко услышал, что дверь он запер на ключ и громко поручил кому-то из рядового состава сидеть рядом и не спускать глаз.

– Вчитываться особо не стал, – хмуро объяснил Омельченко. – Ежу понятно, работали на совесть, не с бухты-баракты. Обмозговали на четыре ряда. Расчет – деваться мне теперь некуда, кроме как на поклон и сознанку.

– В чем? – не выдержав, спросил я.

– Покойничек их, видать, растравил. Написал, берется доказать, что мог я золотишко тогда того... Теоретически, конечно. Так ведь доказывай он, не доказывай, без моего согласия все это валенок без подошвы.

– На что согласия? – не понял я.

– Шею в петлю! – взорвался Омельченко. – На выбор, хоть в ту, хоть в эту. И что я должен был делать при таком раскладе?

– Так ты ее в третью сунул, – тихо сказал Птицын. И, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу, спросил: – Как удалось-то? Смотраться как удалось? Если не секрет, конечно.

– Мои ребята летом там пол перестилали, так я вспомнил: под линолеумом в углу доски на соплях – гвоздей не хватило.

У нас тут каждый гвоздь дефицит, – объяснил он мне.

– Ну? – нервно подогнал его Птицын.

– Гну. Поднял линолеум, вынул доски. Дом на сваях, не мне тебе конструкцию объяснять. Пнул посильнее, когда мимо вездеход тарактел, протиснулся... Хреново протиснулся... – он повернулся на стуле, показав разодранный на спине свитер. – Потом на карачках за гараж и к тебе.

– Почему ко мне?

– Кто у тебя искать меня будет? Каждую помойку прочешут, а к тебе в последнюю очередь. С Михайловной я договорился, – кивнул он на закрытую дверь в соседнюю комнату, куда сразу после нашего прихода удалилась мать Птицына. – Все поняла, из полного ко мне сочувствия обещала с недельку потерпеть с соседками сведениями делиться. Надеже разве только, чтобы не переживала.

– А дальше что? – сорвался Птицын. – Дальше, дальше? Думаешь, поищут и бросят? Надоест? Да с такими протокольчиками, как тебе навесили, землю рыть будут! А ты – неделя! Ты же умный мужик, неужели не понимаешь?

– Что не дурак, это ты правильно, Сергей Иванович. Кое-чего еще кумекаю.

– Да уже одно то, что ты лыжи смазал... По-твоему, майор туха такая? Что-то не замечал. Он же тебе нарочно предоставил такую возможность.

– Правильно сделал, что предоставил. Умный человек другому всегда должен выход предоставить. Без выхода лю-

бой с копыт слетит. Ищи тогда хоть золотишко, хоть что.

– У тебя-то какой сейчас выход? – взвился Птицын.

– Как какой? – криво усмехнувшись, не согласился Омельченко. – Здесь вот сижу. Рассчитывали они на такое? Ясное дело, не рассчитывали.

– А дальше чего?

– На погоду такую тоже не рассчитывали. На Леху вот не рассчитывали, который теперь на Глухой телепаться будет, нервы им трепать.

– Ну и что толку?

– Толку, что через день-два по такой погоде Омельченко в тайге сто собак не сыщут.

– Сыщут!

– Хер им. Я тоже не лыком шитый, камусом подбитый.

– Отсидишься в лучшем случае месячишко, а дальше сам выползешь.

– Месячишки за глаза хватит.

– Для чего?

– Это уже моя забота, ладно?

Настороженно вслушиваясь в каждое слово и едва сдерживая нетерпение, я наконец не выдержал:

– Да никуда вам убегать не надо! Есть возможность во всем разобраться. Прямо сейчас. Если, конечно, не поздно.

– Чего поздно? – насторожился Омельченко.

– Верно! – крутанулся на месте Птицын. – Побежали.

Он рванулся к двери, но тяжелая лапища Омельченко

пригвоздила его к месту.

– Нет, мужички, так дела не пойдут. Пока полного консенсуса не сообразим, будем здесь загорать. В теплой дружеской атмосфере. Ладушки?

– Алексей, объясняй, где нам быть надлежит. Только самым кратким образом.

– Ну, где? – Омельченко по-прежнему крепко держал Птицына.

– Если бы знать, – хмуро сознался я.

– Надо немедленно Ирину отыскивать, – понизив голос почти до шепота, сказал Птицын.

– Она думает, что Хлесткин живой, – тоже шепотом добавил я.

Омельченко, нахмутив брови, переводил взгляд то на меня, то на Птицына.

– Ну? – спросил он, не выдержав нескольких мгновений нашей заминки. – Не ошибаются только покойники, и то только после того, как их закопают.

– А говоришь, умный! – заорал Птицын. – Почему она так думает?

– Почему?

– Потому что стрелялку твою ночью кому-то одолжила. Алексей вон наблюдал.

– Если наблюдал, почему не сказал? – не глядя на меня, спросил Омельченко.

– Смешно, конечно... Думал – сплю.

– А почему сейчас не думаешь?

– Она сама сказала.

– И за каким... бельмандом ей такая операция понадобилась?

– Значит, понадобилась, – пробормотал я.

– Узнает, что Хлесткина на самом деле, запаникует.

– Предлагаешь, чтобы на мне осталось? – дернулся Омельченко.

– Да не в этом дело! – закричал я.

– Не ори. В чем тогда?

– Она, кажется, пошла разбираться. А кому она нужна со своими разборками, если им надо, чтобы вы? Значит, что? Изолируют или вообще... А если мы ее перехватим, докажем, что она не знала, а она скажет, кто ее подговорил...

– Так они и дали сказать, – проворчал Омельченко.

– Не дадут, – согласился Птицын.

– Я тут у вас никого и ничего, – захлебывался я словами. – Куда она могла, к кому? Кто ее мог на такое? Зачем она сюда приехала? Кто она вообще такая? Я же не знаю. А вы общались и здесь все знаете. Хоть намек какой-нибудь? Им же сейчас только одно остается – чтобы ее больше не было. Тогда ни вам, – я ткнул пальцем в Омельченко, – ни нам... Я думаю, в милицию сейчас надо, она прежде всего туда должна. Потому что там сведения... Про вас мы ни слова. Так? – повернулся я к Птицыну.

– Естественно, – согласился тот. – Никакого смысла.

Омельченко бесконечно долго, как мне показалось, смотрел мне в глаза, потом отошел от двери.

– Соображаешь, – сказал он. – Без начальника им такое дело не провернуть. Или прикупили, или вокруг пальца. Были у меня кое-какие наблюдения... И соображения... Ладушки, жмите. У них там сейчас небольшой бардак должен по поводу моих спрятушек. Может, поспеете. Если нет, будем по обстановке. Ты, Алексей, сюда потом лучше не заявляйся, могут засечь это дело. Насчет тебя они тоже на ушах должны. А Надехе шепни втихаря – так, мол, и так, пусть икру не мечет. Я их достану. Думали Омельченко голыми руками, как салагу какого...

– Не голыми, – не выдержал Птицын.

– Рви давай! – рявкнул Омельченко. – Приберут девку, точно тебе говорю, приберут.

Мы с Птицыным скатились с крыльца и что было сил побежали на другой конец поселка. Собаки с лаем помчались за нами.

* * *

Внутри жарко натопленного помещения милиции царил сонный покой и служебная полутьшина. За одной из дверей лениво стучала машинка, где-то, судя по коротким отрывистым фразам, говорили по телефону, на столике дежурного чуть слышно бормотал транзистор. Дежурный поднял голо-

ву на стук двери. Разглядев наш взерошенный возбужденный вид, раскрасневшиеся лица, услышав наше срывающееся усталое дыхание, приподнялся было со своего места, но, узнав Птицына, ухмыльнулся и снова прочно устроился на своем стуле. Дождавшись, когда мы подойдем к барьеру и остановимся в ожидании, он, словно впервые нас заметив, поднял голову и спросил:

– Что-нибудь случилось, граждане?

– Случится, – приподнявшись на цыпочки перед барьером, зло сказал Птицын. – В лоб тебе сейчас дам.

Дежурный снова ухмыльнулся:

– За что?

– Чтобы не выпендривался.

– Кто выпендривается? Вежливо спрашиваю – чем могу быть полезен?

– Это не ты спрашиваешь, а мы сейчас спрашивать будем.

Понял?

Я с недоумением смотрел то на одного, то на другого, стараясь понять, какие отношения связывают людей, ведущих этот странный диалог.

– Ни вы мне, ни я вам – ни малейшего права ни спрашивать, ни отвечать. По инструкции! – весьма довольный своей находчивостью, заявил дежурный.

– Знаешь поговорку? – неожиданным шепотом спросил Птицын.

– Ну? – насторожился дежурный.

– Не плюй в колодец, не исключено, в нем тонуть придется.

– Не думаю, – поразмышляя, не согласился дежурный.

– Знаю, думать ты не любишь, но на этот раз очень советую.

– Ты советуешь, а инструкция не советует.

– Думать не советует?

– Не думать, а отвечать на вопросы посторонних.

Тут уже и я не выдержал:

– Вы что, знаете, какие мы вам зададим вопросы?

– Откуда?

– Тогда почему вы...

– Потому, – перебив меня, весьма вразумительно объяснил дежурный и опять ухмыльнулся.

Мне почему-то тоже захотелось дать ему в лоб, но Птицын пнул меня и как ни в чем не бывало спросил:

– Вопрос первый – майор здесь?

– Не имею права посторонним предоставлять служебные сведения.

– Я посторонний? – не выдержав, зашипел Птицын.

Я поторопился вмешаться:

– Молодая и очень красивая женщина в течение часа-получаса сюда навевывалась? Может, она сейчас здесь?

– У нас здесь все женщины молодые и красивые, – нагло ослабившись, не сдавался дежурный.

Птицын, не дав мне раскрыть рта, снова пнул меня, полез

в карман, что-то достал и протянул дежурному:

– Ладно, нет времени с тобой перепираться, а то бы я тебе... Держи, передашь майору...

Дежурный заинтересованно потянулся к протянутой руке Птицына. Это было его роковой ошибкой. Птицын неуловимым движением поймал его за ухо и, не теряя времени, несколько раз неслабо приложил лбом к доскам барьера.

На крики и мат дежурного выскочило сразу несколько человек, а из-за одной из дверей выглянул и знакомый майор. Птицын, как ни в чем не бывало отпустил ухо продолжающего материться милиционера и неожиданно на весь коридор рявкнул:

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

Майору пришлось выйти из-за двери.

– Сколько раз, Сергей Иванович, я просил тебя проявлять инициативу в дозволенных пределах. Во всяком случае, не так шумно. Что там у вас? Заходите...

Оглянувшись на оторопело замолчавшего дежурного, я поспешил за Птицыным, который преспокойно направился в кабинет майора.

– Ну, что еще? Выкладывай, – с деланой усталостью и таким же деланым смирением в голосе сказал майор, усаживаясь на свое место и жестом показывая нам на свободные стулья.

Я остался стоять, а Птицын удобно устроился поближе к столу.

– Я вас, Николай Николаевич, неоднократно предварительно предупреждал: толку с Витальки не будет, – заявил он, стараясь придать голосу многозначительную интонацию. – Вы почему-то не пожелали прислушаться.

– Мне с него большого толку не требуется, – спокойно ответил майор, хотя по настороженно прищуренным глазам я догадался, что спокойствие это дается ему с большим трудом. Что затеял и чего добивается Птицын, как он надеется выудить здесь сведения об Ирине, я пока не догадывался и поэтому, несмотря на сжигавшее меня нетерпение, решил ждать, молчать и внимательно наблюдать за происходящим.

– Не удивляйся, Андреев, – неожиданно сказал майор, почему-то отвернувшись от меня. – С Птицыным дело иметь не только привычка нужна, но и нервы те еще. Хотя, если быть справедливым, польза иногда случается. Потому и терплю. Но если ты его еще хоть раз при исполнении служебных обязанностей... – обратился он к Птицыну, – привлеку. Что он твой единственный племянник и наследник, во внимание приниматься не будет. Поимей это в виду и объясняй, какого моржа лохматого тебе здесь понадобилось? Про Омельченко узнал?

– Узнал, – согласился Птицын. – Ваши кадры по рации раззвонили.

– Вот говнюки! Прямо хоть приказ издавай, чтобы языки не распускали. Наверное, уже весь поселок гудит?

– Не слышал. Но будет.

– Будет! Еще как будет. Сенсация районного масштаба – Петр Семенович Омельченко сбежал из кабинета начальника милиции. Со службы попрут за разгильдяйство.

– Не попрут, – уверенно не согласился Птицын.

– Почему так считаешь?

– Не захотели бы, никуда бы он не делся.

– Ну, не все такие умные, как ты, – попытался улыбнуться майор.

– Омельченко не дурак.

– Был бы не дурак, не побежал.

– Может, так, может, не так, – задумчиво сказал Птицын. – Неизвестно, как все еще повернется.

– Повернется, как надо, – уверенно сказал майор. – Говори, зачем пришел и исчезай. У меня и без тебя неприятностей хватает.

– Вопрос, в сущности, незамысловатый, – быстро глянув на меня, с кажущимся безразличием протянул Птицын. – Постоялице омельченковской телеграмма. Срочная. А она подалась куда-то. По последним данным, проследовала в направлении сюда...

– Получается, – перебил майор, – вы вдвоем, высуня языки, невзирая на метеорологические условия, про телеграмму сообщить рванули? Подождать не могли? Или поодиночке хотя бы – один туда, другой сюда.

– Так он же ни фига о здешней местности понятия не имеет, – не согласился Птицын. И добавил: – А еще, как вы пра-

вильно заметили, метеорологические условия...

– Телеграмма при тебе? – из голоса майора напрочь испарилась деланая усталость.

– Телеграмма сугубо личного содержания, – невозмутимо пояснил Птицын. – Но крайне неотложного.

– Не петляй, – уверенно сказал майор. – Я тебе не пустобрех из первогодков, пустой след не возьму. Или говори, зачем она тебе понадобилась, что на месте дожидаться не мог, или вали отсюда.

– Здесь она? – уже совсем другим тоном спросил Птицын.

– Нет, – отрезал майор.

– Была?

– Могу не отвечать, но сделаю исключение. Появилась в тот самый неподходящий момент, когда обнаружилось отсутствие задержанного. Никаких заявлений ни устных, ни письменных не делала, постояла в коридоре и исчезла. Что еще?

– В каком смысле – «исчезла»?

– Повернулась и ушла, дверь за собой притворила. У тебя все?

– Если так оно и было – все, – поднялся Птицын.

– Да нет, ты еще маленько посиди. Теперь я тебе вопросы задавать буду. По глазам твоего сопровождающего вижу – не из-за телеграммы вы сюда наведались. Так?

– Не так, – снова глянув на меня, быстро ответил Птицын.

– Так, – уверенно сказал майор. – Была бы телеграмма, я

бы первый о ней узнал. Понял? Говори прямо, чего всполошился, не крути.

– Интересное дело, – словно самому себе тихо сказал Птицын. – Получается, она под наблюдением...

– Что у тебя получается, твое дело. А мое дело следить за тишиной и порядком.

– Не ради ли тишины Хлесткина приложили? – зло спросил Птицын и снова поднялся со стула. – Протокольчики заранее заготовили, экспертизу за два с половиной часа соорзили... Омельченко не мой племяш, на коротком поводке не удержишь. Не тот вы след взяли, Николай Николаевич, – жестом удержал он дернувшегося майора. – Тут зверюга тот еще напетлял – распутывать да распутывать. Нахрапом не получится. Пошли, Алексей, – потянул он меня за руку. И уже на самом пороге выдал: – Информация к размышлению: почему она думала, что Хлесткин живой? Разыщите, кто ей эту лапшу на уши навесил, тогда и Омельченко не надо вылавливать.

Не обращая внимания на что-то закричавшего вслед майора, Птицын быстро зашагал по коридору. Я поспешил за ним.

– Сначала к Надежде, – бросил он на ходу. – Если не вернулась, придется поселок на ноги поднимать. Лишь бы не поздно...

Последние слова оглушили меня тем смыслом, который в этих обстоятельствах мог скрываться за ними.

На неразборчивый оклик майора, выскочившего из своего кабинета, нам навстречу кинулся знакомый дежурный. Птицына он задержать не успел – тот уже открывал дверь, но за мою куртку зацепился. Мне показалось, что если он меня сейчас задержит, то я уже не успею ей помочь. Я перехватил его руку, броском легко перекинул через себя, после чего, чуть не выбив плечом дверь, спрыгнул с крыльца и, увязая в глубоком снегу, побежал вслед за Птицыным, который, не оглядываясь, легким скользящим шагом уходил в снежную круговерть, за которой едва были видны светящиеся окна соседних домов.

Короткий полярный день подходил к концу. Накатывала длинная беспросветная ночь. Утренний прогноз Омельченко о скором конце ненастья явно не оправдывался. Ветер буквально сбивал с ног. Было трудно дышать. И почти ничего не было видно. Окажись я сейчас один на этой пустынной незнакомой улице, я бы даже направления не определил, куда идти. Даже дорогу назад, к отделению милиции не отыскал бы. Словно почувствовав мою растерянность, Птицын остановился, дождался, когда я подойду к нему вплотную, и крикнул:

– Это хорошо, что такая погода!

Ничего не понимая, я закричал:

– Почему?

– Она поселка тоже не знает. Пошла назад, больше некуда. Я бежал за ним и молил Бога, чтобы Птицын не ошибся.

«Места сии еще в недавнем прошлом народишко и коренной, местный, и пришлый, поелику возможно было, обходил, объезжал и оплывал как можно дальше и как можно быстрее. С каких неведомых пор это повелось и какой из местных духов принялся тут пакостить и устраивать всякие непонятности, теперь, пожалуй, не докопаться, хотя, не скрою, на первых парах мне здорово хотелось во всех этих аномальностях разобраться или хотя бы сориентироваться поточнее. Я и к геофизикам, и к геологам, и к биологам, и даже к одному из местных шаманов обращался с расспросами и предположениями, но ничего вразумительного ни от кого не услышал. Первые бормотали нечто смутное о каких-то местных аномалиях, вызванных тектоническими сдвигами и разломами. Биологи, которых я понимал намного лучше, пожимали плечами и пускались в длинные рассуждения о патогенных зонах, мутациях, микроклимате, возможных реликтах черт знает каких геологических эпох. И только шаман, долго и испуганно отмахивающийся от моих расспросов, вдруг коротко и ясно сказал:

– Духи, которые не любят людей, живут в таких местах, где им хорошо, а живым людям плохо.

– А мертвым? – спросил я с неразумной шутливостью, потому что выражение „живые люди“ показалось мне не очень

удачным.

– Мертвых там много, – ответил он, по-моему, даже не заметив несерьезности заданного вопроса. – Мертвые тоже любят, где все не так. Никто не беспокоит. Когда не беспокоят, легко выбирать.

Я, естественно, поинтересовался:

– Что выбирать?

– В какой мир идти – вперед или назад, – сказал шаман и замолчал окончательно.

Больше я от него ничего не добился. Упомяну, пожалуй, еще об одном объяснении, которым, после долгих упрасиваний, удостоил меня один странный, я бы даже сказал, загадочный человек, о котором я, может быть, расскажу когда-нибудь особо, а может быть, не буду рассказывать, чтобы окончательно не запутаться во всех здешних хитросплетениях. Когда однажды я заговорил с ним о месте нашего будущего стационара, он, с совершеннейшей убежденностью в истинности каждого своего слова, сказал:

– Арсений, я тебя не пугаю, но будь, по-возможности, осторожен. Места эти давно пользуются дурной славой из-за их загадочности и необычности. Бьюсь об заклад, ни одна живая душа не скажет тебе вразумительно, в чем эти загадочность и необычность выражаются и почему так упорно цепляются за место своего существования? Поверь мне, все это только мизерные осколки, отблески, слабая тень той действительно фантастической необычности, которой эта мест-

ность когда-то обладала. Не скажу точно, сколько миллионов лет назад и в результате каких катаклизмов весьма солидный кусок, бог знает как выглядевшей тогда суши откололся от гигантского проматерика и пустился в многомиллионнолетнее путешествие из района нынешнего экватора в район нынешней Чукотки, где, в конце концов, стал на достаточно прочный якорь, вызвав своим вторжением серьезные глубинные аномалии, о которых я тебе рассказывать не буду. Граница этой стыковки обозначена сейчас хребтом, протянувшимся до самого побережья, а ты со своей базой оказался в кратере сверхгигантского некогда вулкана, вывернувшего наизнанку недра бесконечно далекого и почти неизвестного нам прошлого старушки-Земли.

– Это гипотеза? – спросил я его, почему-то почти не сомневаясь в истинности каждого его слова.

Он засмеялся.

– Терпеть не могу гипотез, хотя и признаю их шарящую наугад полезность. То ли докажут, то ли не докажут... Будем считать, что все рассказанное мною недоказуемо. Просто все так оно и было. Когда окажешься там, поймешь.

– Но ты-то откуда знаешь? – не выдержал я. – Ты же там никогда не был.

– Если считаешь это серьезным возражением, ради бога, – засмеялся он. – Ни один ученый не встречался с живым динозавром, но даже школьники сейчас знают, как они выглядели.

Скоро я узнал, что мой собеседник был не совсем откровенен. Бывал он все-таки в тех местах, бывал. Но случилось это во времена столь далекие, что рискну их отнести не просто к прошлому, а к другой, я бы сказал, геологической эпохе. И все же, все же, все же...»

Запись обрывалась. Дальше было совершенно о другом. Не выпуская дневника из рук, я откинулся к стене и задумался.

Маленькое здание поселкового аэровокзала на сей раз совершенно безлюдно. Не верилось, что еще несколько дней назад тут яблоку упасть было некуда. Сейчас в зале ожидания нас только двое. Положив под голову полушубок и поджав ноги, рядом на скамейке посапывает Рыжий. Второй час ночи. Утром, чуть свет вылет, поэтому, чтобы, не дай бог, не случилось ни опозданий, ни непредвиденных задержек по нашей вине, мы вместе с вещичками перебрались сюда с вечера и теперь коротаем время в ожидании медленно приближающегося утра. Я снова раскрываю записки Арсения. Кстати, это уже совсем не тот «Полевой дневник», который я в спешке прихватил у Арсения Павловича. Как только установилась летная погода, первым же рейсом доставили предназначенный именно мне, с настоятельной просьбой незамедлительно вернуть тот, который явно не был рассчитан на постороннее прочтение. Бородатый неразговорчивый инженер-механик, передавая мне дневник, раскрыл его на последней странице и ткнул пальцем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.